

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Башня-2

«ЭКСМО»

1999

Никитин Ю. А.

Башня-2 / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 1999 — (Трое из леса)

Они – тайные властители мира, кукловоды, управляющие ничего не подозревающими марионетками. Их называют Семеро Тайных, и в их силах изменить ход Истории. Любые действия любого из Семерых Тайных чреваты самыми непредсказуемыми последствиями для всей земной цивилизации. Особенно если действия эти направлены на борьбу друг с другом...Яфет – глава Семи Тайных планирует осуществить проект «Башня-2», благодаря которому жизнь человечества кардинально изменится. Для осуществления этого плана в дело идет все – от лучших агентов спецслужб до небольших армий. Но не надо забывать про Олега...

Содержание

Предисловие	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	54
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	69
Глава 14	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юрий НИКИТИН

БАШНЯ-2

Предисловие

Этот роман получился грустный. И без единой шутки или веселой сцены. Так что, дабы малость разбавить серьеzu, приведу часть анекдотов, что пришли по Интернету на сайт 09 января 1999 года.

Называется это «С подачи Константина Крылова», т.к. Крылов первым что-то забросил на эту тему, но из-за этой собачьей жизни начало всей коллекции где-то потеряно. Итак, с момента, откуда сохранилось.

Автор (предположительно) Крылов.

Вещего Олега спросили про эйнастию.

– Опять двадцать пять! – возмутился он. – Сколько можно повторять одно и то же! Просто когда одна храмовая девка спросила у прихожан, кто ее хочет, и те подняли руки, я сдуру крикнул: «Эй, Настя, и я!»

– Почему же сдуру? – спросили еще.

– Да девка оказалась извращенкой. То так извернется, то этак... Извращалась вся!

Отправлено: Откин

Когда Вещий Олег был князем, к нему пришли нищие волхвы.

– Ты погряз в роскоши! – сказали они. – Ты оставил мудрость ради земных благ! Вспомни, за что тебя прозвали Вещим!..

– Хм, – задумался Олег, скользя взглядом по роскошным коврам, золотой посуде, богато украшенному оружию и т. д. и т. п. – Забыл. Наверное, за любовь к вещам...

Отправлено: Зануда

Вещий Олег думал о первоосновах Мироздания. Ему почти не мешали обычные охи, вздохи и постанывания лежащей под ним Лилит. Наконец он почувствовал, что подбирается к решению вопроса о происхождении всего Сущего, но тут Лилит так громко застонала, что Олег отвлекся.

– Чего надо? – непонимающе спросил он, глядя на распростертую под ним красавицу.

– Еще! – томно закатив глаза, прошептала Лилит.

– Чего – еще?! – спросил Олег раздраженно: он не любил, когда ему мешают. Но Лилит не смогла внятно объяснить, в чем дело, а только закатывала глаза и кусала губы.

«Не понимаю я женщин», – в который раз с горечью подумал Олег, пинком прогнал Лилит с ложа, привычной рукою подгрел под себя Лиску и опять погрузился в размышления...

Отправлено: Откин

Идет Чудище-Уродище по лесу, причитает гнусаво:

– Ай Олег, подлый ворог! Чтоб ему во веки веков пусто было! Ай негодай...

Один леший другого и спрашивает:

– Чего оно развопилося-то?

– Да ему Мрак голову отрубил, а Олег приживил...

– Так чего оно Олега-то поносит?

– Потому как его самого поносит... А Олег голову ему приживил ноздрями к заднице...

Отправлено: Зануда

Шел как-то Олег мимо деревни русичей и вдруг чувствует, что ему на голову шлепается ком навоза, другой в спину, третий в лоб... а русичи матерно бранятся из-за заборов, и в воздухе уже засвистели булыжники. Олег отвлекся от мыслей о происхождении всего Сущего, обратил половину русичей в опоссумов и оцелотов, после чего поинтересовался у оставшихся:

– В чем, собственно, дело?

Оробевшие, но злые русичи ответствовали:

– За то, что ты, проклятый колдун, державу нашу разорил, нас по ветру пустил да все богатства нашенские отдал людишкам непотребным да мазурикам!

Олег долго вспоминал, было ли такое, и наконец ответил:

– Вроде не припомню. Может, то не я был?

– Ну как же, как же! Рыжий, тощий, колдун! Ты, Чубайс, ты, окаянный!

Отправлено: Зануда

Много раз бывало так, что Мрак чувствовал – все, кранты, обратно в человека ему больше не перекинуться. Спасало одно: найти пещеру, где Олег размышляет о происхождении всего Сущего, и понюхать ногу мудреца. После чего тут же оборачивался человеком: людской нюх не в пример слабже волчьего...

Отправлено: Откин

К Вещему Олегу пришли волхвы:

– И примешь ты смерть от коня своего!

– Если б я имел коня, это был бы номер... – опечалился Вещий Олег.

Как-то раз во время пирушки вышел Олег во двор по нужде. В это время мимо корчмы проходили странники.

– Подсажи, мил-человек, как нам пройти в Рим? – обратились они к Олегу.

– Э-э... туда! – махнул он рукой наугад.

Путники поблагодарили и пошли в указанном направлении.

На следующий день, вспоминая пирушку, Олег вспомнил и этот случай, опечалился. Обманул людей ни за что ни про что. Хотел было догнать и растолковать дорогу как следует, но совершенно забыл и куда отправил путников, и где, собственно, этот Рим. Отчаявшись поправить положение обычными средствами, он плюнул и произнес заклинание.

Полтора века после этого все дороги в мире вели исключительно в Рим...

Отправлено: Lordwolf

Угостили как-то Вещего Олега бубликом.

Олег полдня его и так и сяк вертел, и на голову надевал, и на солнышко сквозь дырку смотрел, и по столу катал... Измучился. К вечеру пришел Таргитай, увидел бублик, хватить его – и слопал.

Олег обиделся, ногами топает, руками машет, орет на дурня:

– Ну что ты натворил, дубина стоеросовая? Еще чуть-чуть, и я бы понял...

Отправлено: Откин

Выйдя из корчмы, Олег рухнул отсыпаться в ближайшую копну сена. И невдомек ему было, что навалена она как раз на собачьей «почте».

Первую шавку, решившую на нем отметиться, Олег просто удавил и выбросил вон.

Вторую обратил в кошку и телепортировал к своим же.

Когда же пришла третья, он возопил: «Доколе?!» (отчего псина в ужасе убежала) – и принялся составлять заклинание, должное лишить все живое на десять верст в округе способности к мочеиспусканию. От этого занятия его и оторвал подошедший Мрак.

– Фу, Олег, – скривился оборотень. – Что ты делаешь в таком месте?!

– То же, что и обычно, – огрызнулся волхв, которого Мрак сбил с мысли. – Размышляю о происхождении всего ссущего...

Отправлено: Дмитрий Гаврилов

Пошел как-то молодой Олег на базар, смотрит – бочка, а в бочке сидит грязный, заросший мужик и ест капустный лист.

– Кто это и чем он велик? – спрашивает Олег у прохожего.

– Это? Диоген! – не без гордости за соплеменника отвечает горожанин. – Он спас Грецию от Александра Македонского. Царь загораживал ему солнце и надоедал глупыми вопросами, а Диоген так далеко послал его, что он до сих пор не может никак вернуться обратно из похода.

Олег дождался, когда солнце скрылось за горизонтом, и, подойдя к бочке, спросил Диогена:

– Как обустроить Русь?

Мудрец почесал затылок и вежливо ответил:

– Спроси о том Александра Македонского!

Хотя в мешке у него позвякивала Чаша Грааля, сэр Томас плохо спал. Рыцаря терзали тягостные раздумья, наконец он не выдержал и, обернувшись к Вещему Олегу, с мукой в глазах спросил калику:

– Сэр калика, не выходят у меня из головы те мужики на дороге. В самом деле, как же обустроить Русь?!

– А ты уверен, что это та самая Чаша? – задумчиво произнес Олег, растягивая слова.

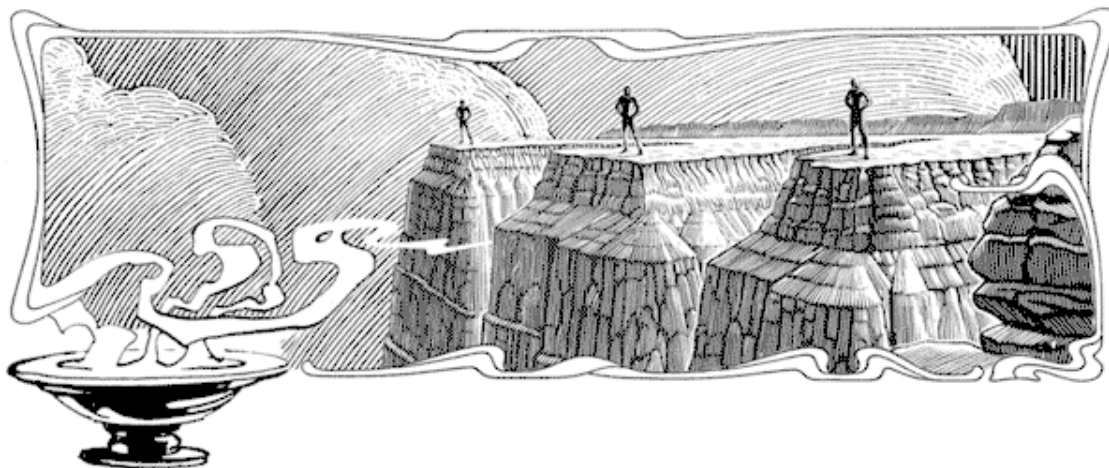
– Прощай, мой верный конь! – сказал Вещий Олег, возлагая стопу на череп.

Дрессированная гадюка Гюльчи выскользнула из пустой глазницы. Широко раскрыв злобную пасть, она впилась в ногу волхва и... издохла.

– Знай наших! – усмехнулся прозорливый Вещий.

Свыше раздался голос Тарха:

– Я всегда знал, Олег, что ты жесток, но не предполагал, что до такой степени. Изверг! Зачем ты надел портянки Мрака?

Часть I

Глава 1

В ночи монотонно скреблось, словно компьютер вздумал на досуге заняться дефрагментацией небесного диска. Каблучки стучали громко, чересчур громко, а из-за черных деревьев в ее спину смотрели страшные желтые глаза.

Юлия все ускоряла шаг. Дальше будет фонарь, затем дорожка пройдет под окнами элитного дома, там улица залита светом, как посыпана золотым песком, на крыльце охранник из частного агентства, она всякий раз чувствует его раздевающий взгляд, но у него пистолет, пусть смотрит, хоть как-то, да охраняет...

Когда элитный дом уплыл за спину, каблучки застучали еще громче. И чаще. А вот ее подруга Эмма в полночь выходит гулять одна-одинешенька... не считая Рея, могучего и веселого боксерчика, что носится по кустам, ревниво проверяя следы других псов. Завидя одиноко бредущую девушку, всякий искатель приключений тут же переходит на ее сторону, уже предвкушая всякое и очень разное. Но не успевает раскрыть рот, как из кустов выныривает пес, похожий на сержанта спецвойск: молодецватый, с широкой грудью и могучими челюстями. И бедолага, у которого сразу все на нуле, под подозрительным взглядом готового к бою зверя лепечет что-то вроде «как пройти в библиотеку», после чего с мокрыми штанами удаляется.

Все-таки этот шейпинг чересчур поздно. Знакомые наперебой предлагают щенков, но у нее сразу слезы и щем в сердце: их жизнь, оказывается, так коротка! Хватит, наревелась в прошлый раз, когда уходила из жизни ее верная Зита, а она, беспомощная, исходила плачем, но ничего не могла поделать...

Оставалось только проскочить под темной аркой, а там до ее подъезда рукой подать... Она помнила, что с ее ростом и развитым плечевым поясом выглядит внушительно, или, как теперь говорят сопляки, круто. В летнюю жару она предпочитала маечку, что подчеркивает и ее идеальную грудь, для которой не нужны никакие лифчики, и блестящие плечи, сильные и здоровые плечи спортсменки. Ее принимали то за известную пловчиху – это у них обычно так развит плечевой пояс, – то за лыжницу-рекордсменку. Вся ее фигура дышит силой, только она сама знает, что за ее рост и крепкое тело нужно поблагодарить папу и маму да еще чуть-чуть модный шейпинг, на который ходит всего лишь из-за тщетной надежды отыскать подруг почище, чем пьяные бабы из ее подъезда.

Навстречу мощно запахло отбросами. Там, по ту сторону арки, мусорные баки, настолько переполненные, что их почти не видно под горами гниющего под жарким солнцем, а сейчас – в перегретом воздухе мусора. Там часто роются бомжи, постоянно – вороны, безбоязненно шныряют толстые, как дикобразы, крысы, а собачники берут собак на короткий поводок и проводят опасное место бегом, как по краю минного поля.

Запахом гнили пропиталась даже кирпичная кладка, Юлия сжалась, в тысячный раз спрашивая себя, почему не поменяет квартиру на другой район... Прямо в лицо потянуло горьким смрадным дымком: кто-то поджег мусор. Этот дымный смрад заползает и в окна, доводя ее до иступления жаркими ночами, когда закрыть дверь на балкон – самоубийство...

Из темноты арки навстречу вышел парнишка. Худой, прыщавый, с нагло-голодным выражением созревающего подростка. Такими брезгают одноклассницы, таких не замечают девчонки на улице. Юлия перевела дыхание, этого она одним пальцем перебьет, но сердце тут же тревожно сжалось.

За сопляком еще двое. И еще. Пятым неспешно выдвинулся явно вожак, высокий и наглый парень с красивым породистым лицом. Мускулистые руки оттопырены, изображает геркулеса. Все встали полукругом, загораживая вход.

Юлия невольно замедлила шаг, повернуть и бежать – глупо, на высоких каблучках не побегаешь, догонят сразу.

– В чем дело? – спросила она враждебно.

Все молчали, она чувствовала, как они раздевают ее глазами и уже мысленно начинают проделывать то, что собираются сделать наяву.

Вожак сказал медленно:

– А ты сочная телка. Ладно, раздевайся.

– Что? – спросила она неверяще.

– Жарко, – объяснил он. – Тебе разве не хочется побыть голой среди мужчин?.. По глазам вижу, хочется.

– Ах ты, сволочь, – вырвалось у нее. – Ты что о себе думаешь?

– Кричать будешь? – поинтересовался он лениво. – Давай... Менты ходят там, где фонарей побольше. А здесь темно. Сюда не заглянут, страшно.

– Только попробуй, – сказала она. – Я тебя, сволочь, уничтожу...

Его взгляд внезапно ушел с ее лица. Юлия услышала, как за спиной слева зашелестели листья. На асфальтовую дорожку, прямо из кустов, явно сокращая дорогу, вышел мужчина в легкой рубашке, выпущенной поверх пояса, и в потрепанных джинсах. Высокий, сухощавый, волосы темные, хотя в отблеске фонаря на миг показались Юлии почти багровыми. Лицо неестественно бледное, даже в этом свете бледное. Он на ходу потирал ладонью правый бок, словно успокаивал ушибленную печень.

Все молча смотрели, как он примиряюще вскинул руки:

– Тихо-тихо, ребята. Не нужно так вот... с женщиной.

Голос его звучал ровно, однако Юлии почудились нотки сильнейшей усталости. Похоже, вожак тоже уловил, что незнакомец бредет домой либо с перепоя, либо долго доказывал какой-то знойной и раскрепощенной, без комплексов, что он мужчина в полном соку.

Подростки смотрели на незнакомца трусливо-нагло-вызывающе, на своего вожака – с ожиданием. Положение вождя обязывает, тот бросил насмешливо:

– Уж не ты ли вступишься, мужик?

Незнакомец с усилием засмеялся:

– Ребята, вы делаете большую ошибку. А риск того не стоит.

Те заговорили между собой, она видела, как все начали оглядываться по сторонам, но улица, как назло, пуста. А если вдали в самом деле промелькнула тень, то всякий, завидя группу мужчин, спешит убраться подальше.

Вожак растянул рот в хищной усмешке:

– Риск? Не ты ли такая круть?

Незнакомый мужчина покачал головой:

– Ребята... Драться стоит лишь с теми, кого знаете. А я – незнакомый... Вы же не знаете, кто я, что могу, есть ли у меня в кармане пистолет, стоит ли за мной кто-то... Но если готовы на такой риск, тогда флаг в руки и барабан без палочек.

Он вздохнул, но Юлия при всей его усталости, даже чего-то похожего на изнеможение, все равно не чувствовала в нем ни капли страха, ни даже простой неуверенности. Говорил потечески, устало и снисходительно, словно эти пятеро верзил были детьми из детского сада.

Вожак угрюмо изучал его из-под низких надбровных дуг. Замочить мужика нетрудно, хотя и глупо мочить просто так, без выгоды. Даже ради девки, каких пруд пруди. Но хоть замочи, хоть просто по роже дай – это же проклятая Москва, не родная Пермь... Замухрышка в рваных джинсах может оказаться школьным приятелем министра или банкира, а те по старой

дружбе могут прислать войско ментов, что из-под земли достанут, искалечат по дороге, все зубы вышибут, а потом продажные судьи вышку припаяют...

Он тяжело вздохнул, принимая решение:

– Да пошел ты...

Но не сказал куда, в мужике в самом деле чувствуется сила и уверенность. Если сам ноль, то, может быть, с начальником охраны президента в одной песочнице домики строил. Задень самолюбие, а при бабах все нервные – вовек на аптеку работать будешь. Если выживешь.

Юлия ощутила, как незнакомец взял ее под локоть. Его пальцы были теплыми и твердыми, словно она оперлась о спинку родного дивана.

Голос прозвучал дружески:

– Я вас проведу вон до того угла... Дальше светло. Насчет милиции, боюсь, он прав.

Хулиганы невольно расступились, Юлия прошла гордо, вскинув носик, не только не выказывая страха, а еще и утопила их в море презрения. Они ворчали за спиной, но незнакомец шел спокойно, от его пальцев по ее локтю разливалось странное успокаивающее тепло.

Сердясь на себя за страх, она сказала с некоторым сарказмом:

– Это и есть современное рыцарство? Напугали бедных хулиганов связями в верхах?

Под уличным фонарем ей можно было дать как восемнадцать лет, так и двадцать восемь, но она ощутила, что он как будто в паспорт посмотрел: ей двадцать один год и три месяца. Сегодня на занятии шейпингом потеряла не меньше двух кэгэ, но недотраченная сила выплескивается у нее даже из ушей, в каждом движении сквозит звериная жажда выжить в этом страшном, неудобном мире, и не всякий за ее вызывающим видом рассмотрит испуганного зайчика с дрожащими лапками.

Он пожал плечами:

– А что бы вы хотели?

– Ну, показали бы им два-три приема из восточных единоборств. Разбросали бы, а я бы в порыве страсти бросилась вам на шею!.. Ладно, простите за глупую болтовню. Я все еще дрожу? Перетрусил так, что... Не обращайтесь на мой тон внимания!

«Не очень-то ты и перетрусил» – было в его глазах. Хотя перетрусить надо было. Народ в этом регионе планеты озверел...

– Да я и не обращаю, – ответил он с оскорбительным равнодушием. – А восточные единоборства – глупость. Их рекламируют те, кто зарабатывает на этом. Боевое самбо куда опаснее. Вот мы и пришли.

Он отпустил ее локоть, отступил на шаг, она вскрикнула:

– Вы что, так и собираетесь уйти?

– Дальше светло, – ответил он, взгляд его стал отстраненным. – Вон такси снуют. Не частники, государственные... Безопасные.

– Нет, – сказала она лихорадочно. – Вы видите, я все еще дрожу? В любом случае вы спасли меня из лап жутких бандитов. У них кавказские рожи, не заметили? Кавказе не бывает. Вы просто обязаны проводить хотя бы до подъезда!

Она не отвела взгляд, чтобы он прочел все, что она хотела сказать. Даже в самое раскрепощенное время не все говорится вслух. По крайней мере, не все женщины говорят. Она все еще не из тех, кто говорит открытым текстом, хотя феминистка до мозга костей и ненавидит всех этих male-pigs.

Вечерами она читала женские романы, издевалась над ними, выбрасывала в мусор, но через пару дней снова покупала это слюнявое чтиво и погружалась в мир, где вот она, красивая и бедненькая, идет себе тихонько, а к ней подходит таинственный незнакомец... Сперва, ессно, пикируются, всякие милые недоразумения, он оказывается наследным герцогом... нет, лучше

наследным принцем дальнего султаната... есно, получившим образование в Оксфорде, но в то же время богатым, воспитанным и с ног до головы экзотичным...

Она судорожно перевела дух. Увы, эти миры существуют только в дамских романах. И только там загадочные незнакомцы, увлекательные приключения, судьбы мира... А здесь, как говорят умудренные идеологи, надо находить романтику в обыденном.

Над крыльцом горел свет, сам подъезд освещен ярко. Юлия сумела наконец рассмотреть незнакомца. Не просто высок – огромен! В дверь придется входить боком, чтобы не поцарапать плечи. Чтобы смотреть ему в лицо, приходится задирать голову, от этого движения ее спина становится ровной, грудь приподнимается, а что особенно приятно, так это то, что полностью исчезают небольшие такие жировые валики с боков... Показалось, верно, рыжий, чуть ли не красный, а глаза удивительно зеленые, яркие. Лицо худое, резкое, нижняя челюсть выдвинута, скулы высокие, возле губ твердые складки. В прошлом веке, когда был спрос на мужественных мужчин, он считался бы красивым, даже очень красивым. Но сейчас в моде слащавые женоподобные хлюпики, обязательно толстенькие и с животиками, это называется «быть самим собой»... Правда, слишком бледен. Либо болен, либо... либо все-таки такой же, как и она: внешность циркового борца, а внутри закомплексованный интеллигент, что боится темноты и начальника.

Она вздрогнула, его зеленые глаза тоже взглянули в упор. Она чувствовала себя так, словно он просветил ее насквозь рентгеновскими лучами.

Сбоку стукнуло, это дверцы лифта медленно поползли в стороны. Незнакомец пропустил Юлию вперед. Его слегка качнуло, а когда он ступил следом, ей показалось, что в тесной кабинке совсем нет места.

– Меня зовут Олег, – проговорил он чуть охрипшим голосом.

Ей почудилась в его тоне снисходительность, сразу рассердилась, хотя ноги стали слабыми, захотелось прижаться к его сильному телу, отчего рассердилась еще больше. Сильные женщины, а она не просто сильная, она – железо, не должны выказывать даже слабого проблиска интереса при виде особей этого некогда сильного пола, если верить пыльным классикам.

– Юлия, – ответила она. – Можно без отчества.

Он стоял спиной к пульту, Юлия все смотрела в его необычное лицо, и ее палец только с третьей попытки угодил в нужную кнопку. Лифт дернулся, пошел вперед... и тут же остановился. Она смутно удивилась, даже решила, что промахнулась, но за решеткой в самом деле уже стена ее площадки.

«Надо взять себя в руки, – решила со смятением. – Меня ведь называют законченной феминисткой! Что это раскисла...»

Коридор, естественно, заставлен всякой дрянью, старыми шкафами, сундуками и ящиками, но одолели благополучно. Юлия сумела совладать с замком, распахнула дверь:

– Прошу. Собаки нет.

– Зря, – сказал он почему-то грустно.

– Да, сейчас время опасное...

– Да нет, вообще без них грустно.

Щелкнул выключатель, оба прищурились от яркого света. Просторная прихожая, через открытую дверь видна другая комната. Юлия видела, как гость мазнул скольльзящим взглядом по ее квартире, и поняла, что он увидел все, все понял, все узнал по расстановке вещей, мебели.

А она с порога скользнула взглядом по зеркалу, быстрым и всеохватывающим, как вроде бы могут только шпионы, но на самом деле так ежедневно по многу раз проделывают все женщины, когда встречают на улице другую, одетую лучше или с прической поярче. Сейчас она вроде бы и не смотрелась в зеркало, но перед глазами отпечаталась не просто хорошенькая мордашка, а лицо умной и элегантной женщины, которой бы родиться на пару веков раньше,

когда рыцари, мушкетеры, дуэли и турниры в ее честь, а она, красивая и надменная, выходит из кареты...

Ее серые строгие глаза под высокими тонкими дугами бровей смотрят строго и оценивающе. Прямой тонкий нос, аристократический, такие же красиво очерченные губы, не слишком толстые и пухлые, как у простолюдинки, а именно строгие и одухотворенные, и только где-то очень глубоко чувственные, что заменено сейчас гадким словом «сексуальные», но на такой глубине, куда этим male-pigs не заглянуть.

Приподнятые скулы, выступающий подбородок. Небольшая родинка на правой скуле, которую все не удается оценить: украшает ли, придавая пикантность ее академическому облику, или же портит?

Глава 2

Как всякий человек этого века, она, не глядя, сразу же ухватила пульт, телевизор с хлопком включился, только потом повесила сумочку, сбросила туфли.

Ее однокомнатная, перестроенная собственными силами, выглядела достаточно просторно: перегородку между кухней и комнатой убрала, теперь кухня получилась почти европейских габаритов. Правда, куда-то делась ее единственная комната...

По экрану пошли скакать клоуны, Юлия приглушила звук, повела рукой:

– Устраивайся!.. В холодильнике есть пиво, соки, даже початая бутылка муската. На кухне – кофе растворимый и в зернах, чай, печенье. Курицу изжарить могу через час, не раньше. Ах да, кофемолка сломалась, так что придется растворимый.

– Я не привередлив, – сказал он великодушно. – Растворимый так растворимый.

– В такую жару?

– А что, где-то жарко? – удивился он.

У нее по спине пробежал предостерегающий ветерок. Вдруг почудилось, что его скорее сейчас морозит. Сердась на себя за свои страхи, сказала независимо:

– Как хочешь. Пиво в холодильнике, я предупредила.

Ее пальцы нервно переключали каналы. На одном канале президент по бумажке пытался прочесть свое имя, на другом – в Думе за что-то голосовали, на третьем, четвертом и пятом – президент, надолго умолкая, все еще по складам читал свою фамилию.

– Что за... – вырвалось у нее. – Когда же это кончится? Когда кончится?.. Как можно, чтобы во главе такой огромной страны стояла мафия?.. Потому и плодится эта погань в подворотнях...

Он прошел на кухню, взял кофемолку, завертел ее с отсутствующим видом перед глазами, отыскал зерна в большой банке из-под сухого молока с надписью «Рис», засыпал в кофемолку. Юлия вздрогнула, кофемолка загудела, зажужжала, иногда поскрипывала, когда под лезвие попадалось целое зерно. Сквозь стеклянную крышку было видно, как по кругу мечется коричневое облако, превращаясь в тончайшую пыль.

Голос Олега, счастливчика, зазвучал спокойно, усыпляюще:

– Власть всегда захватывали разбойники. Во всех странах, во все эпохи. Конунги, ханы, князья, цари, президенты, генсеки. Для того чтобы не грабить наскоком, по-волчьи, а давить соки уверенно, неспешно, придумывая то право первой брачной ночи, то право проезда на красный свет под «мигалку»...

Она прервала возмущенно:

– То было дикое Средневековье! А сейчас, сейчас...

– Сейчас, – сказал он, соглашаясь, – и так все девки и бабы его. Это и понятно, потомство давать должны лучшие быки. Хоть в Средневековье, хоть сейчас. Иначе род людской вымрет. А смену власти придумали еще хитрее: выборы! Понятно, что победит либо он сам, либо разбойник похлеще. Преимущество власти, так сказать. Чтобы ни один совестливый не пробрался, ни один умный, ни один щепетильный... Только своя братва!

Их взгляды встретились, оба разом улыбнулись. В любой другой стране они бы под хохот клоунов с телеэкрана наполнили по рюмке вина... по-зарубежному, то есть в высокую рюмку пару капель на самое доньшко, чего не могут понять в России даже женщины, после чего завалились бы на диван или кровать трахаться, иметься, жариться, блудить, совокупляться, потеть, хариться, спариваться, безобразничать, иметь стыд...

...но в России не могут не заговорить о политике, о финансовом положении, из-за чего кровь начинает бурлить в сердце и бить волнами в мозг, после чего долго не хочет опускаться к развилке.

Он вышел на пространство бывшей комнаты, там пол другой, с любопытством рассматривал дешевые репродукции на стенах. Юлия вытащила курицу из холодильника, прислушалась к его шагам. Этот рыжеволосый чем-то неуловимо отличается от мужчин, которых она раньше знала. Если честно, то знала хорошо. На ее яркую внешность они слетались как бабочки, ей не приходилось, как ее одноклассницам, а потом сокурсницам, строить кому-то глазки и показывать ножку.

Но этот, этот какой-то особенный...

Из комнаты донесся его мягкий мурлыкающий голос. Прислушалась, мелодия была странная, непривычная уже тем, что мелодия, ибо мир заполнился ритмами, а мелодии давно ушли, существовали на задворках, но от этой в груди защемило... Он фальшивил немилосердно, явно все медведи уши оттоптали, но все равно в ее сердце разлилась сладкая тоска, она ощутила, что невольно расправляет руки в стороны, словно птица, почуявшая свободу...

– Что это? – крикнула она из кухни потрясенно. – Что за музыка?.. Что за песня?

Он вошел на кухню смущенный, развел руками, не думал, что у нее такой острый слух, но она смотрела требовательно, и он сказал нехотя:

– Это песня одного моего друга.

– Он даже не профессионал? – поразила ее.

Почему-то сразу решила, что этот рыжий с его слухом и близко не подходил к миру музыки и что у него все друзья такие же тугоухие.

Слабая улыбка скользнула по его губам.

– Я бы не назвал его профессионалом.

– Но кто он? – допытывалась она. – Он просто бог!

Что-то изменилось в его зеленых глазах, словно он хотел отшатнуться, но удержался и, не сводя с нее удивленного взгляда, слегка наклонил голову:

– Да, ты права.

Он явно не хотел отвечать, и она зашла с другого конца:

– Но где ты слышал эту мелодию?

– Далеко.

– Где, в Штатах?

Он покачал головой:

– Да нет... Скорее на этих землях.

– Я так и думала! – воскликнула она. – Штатовские меня не трогают. Под них хорошо танцевать, балдеть, тупеть, но что-то сердце защемило... Если он не знаменитость, ты меня с ним познакомишь?

Он медленно покачал головой:

– Это было давно. Очень давно. Песен было много, это единственное, что в моей голове застряло.

Она развела руками:

– Ну ладно... Жаль, такую хорошую песню забыли. Правда, язык тоже странный. Не английский, не французский...

Он кивнул, соглашаясь, что не английский, не французский, замедленными движениями засыпал смолотый кофе в джезву, пальцы коснулись верньера газовой плиты. В тот момент, когда джезва без стука опустилась на решетку, под ней вспыхнул злобно шипящий голубой венчик. Ни одного лишнего движения, ни одного лишнего слова. Даже не взял пьезозажигалку, но огонек все равно вспыхнул. Наверное, там и горел самым малым пламенем, ее гость только добавил газу...

Юлия ощутила, что напряжение в самом деле начинает испаряться. Раньше бы еще полночи изобретала способы, как отомстить мерзавцам из подворотни, убивала бы медленно и сладострастно, а потом еще всех под асфальтовый каток, сейчас же в самом деле начисто выбро-

сила из головы эту мразь, как старалась не помнить о мусорной куче, мимо которой завтра на службу, оскальзываясь на банановой кожуре и апельсиновых корках.

Осталось ощущение, что что-то забыла спросить, несколько мгновений смотрела на синюю корону огня, но не вспомнила, распахнула холодильник, стараясь не показать гостю, что там пусто, как в Центральном банке России, если не считать трех баночек пива и глыбы льда в морозилке, изображающей курицу. Ах да, курица уже на столе, осталось разморозить и сунуть в электрогриль. Совсем плохая стала, не должно присутствие мужика... нет, это не мужик, это настоящий мужчина, надо признать... не должно присутствие даже лучшего из мужчин так сбивать с толку!

За спиной послышался хрип. Она испуганно оглянулась. Лицо ее гостя, за последнюю четверть часа слегка порозовевшее, вдруг залила смертельная бледность. Глазные яблоки застыли. Юлия со страхом увидела, как там лопаются кровеносные сосудики, кровь разливается по всей оболочке, вот уже глаза красные, как у выходца из ада...

Он пошатнулся, попытался ухватиться за спинку стула. Пальцы промахнулись, он отступил и рухнул навзничь на диван. Тело свела судорога, лицо страшно напряглось, под кожей выступили и натянулись жилы.

– Что с тобой? – вскрикнула она. – Ты припадный?..

Он захрипел, лицо перекошило. Он был страшен, Юлия раздиралась между отвращением и жалостью, метнулась к аптечке, вывалила на стол целую грудку флакончиков и пластмассовых пластинок с впаянными кружочками таблеток.

– Что тебе дать?

Олег хрипел, его корчило, выгибалю. Ей почудилось, что в его животе перемещаются какие-то шары, даже мелькнули жуткие кадры фильма про инопланетян, что вселяются в тела людей и размножаются в них, но уверила себя, что это ходят бугры мускулов.

– Сделать укол? – допытывалась она. – У меня есть тут всякое... Седалгин, уротропин... ага, но-шпа...

Пальцы дрожали, она кое-как отпилила краешек ампулы, надела на шприц иглу и долго и неумело вытягивала оранжевую жидкость. Уколы никогда в жизни не делала, но, подражая виденному, подняла шприц иглой вверх, надавила на поршень. Брызнул тончайший фонтанчик.

– Куда тебе... В задницу бы... Ладно, можно везде, только бы не в вену. В вену боюсь...

Его губы уже пересохла, нижняя лопнула. Поверх сухой, как выжженная пустыня, кожи выступила крупная алая капля, медленно сползла на подбородок. Затем, к великому потрясению Юлии, трещинка закрылась, края сомкнулись, поверх легла аккуратная заплатка. А капелька крови миглом засохла, рассыпалась в мелкую коричневую пыль.

С губ сорвался хрип. Юлия прислушалась, спросила со слезами на глазах:

– Что?.. Повтори!

– Не... надо...

– Что – не надо? – прокричала она ему в ухо. Почему-то решила, что в его черепе сейчас стоит грохот, словно работают камнедробилки. – Укол не надо?

– Не... надо...

Она остановилась, руки ее вздрагивали. Крупная янтарная капля с кончика иглы медленно поползла вниз, перетекла на пальцы.

Его выгнуло дугой, с губ срывались хрипы, стоны. Лицо дергалось, под кожей по черепу носилась стая голодных мышей. Юлия осторожно положила шприц на стол, ее мягкая ладонь легла на его лоб.

Дрожь пробежала по всему крупному телу. Веки поднялись резко, на нее в упор взглянули бешеные зеленые глаза. Вокруг яркой зеленой оболочки все залило кроваво-красным.

Юлия отшатнулась. С его губ слетело хриплое:

– Погоди... Сейчас кончится...

– Но помочь?

– Уже... проходит...

У нее по коже побежали крупные пупырышки. Говорил не он! Голос его, но интонации, оттенки, этот низкий зловещий бас, словно механизм пытается общаться с человеком...

Судорога пробежала по его крупному телу. Через мгновение Олег вздрогнул, непонимающе огляделся:

– Черт... У меня был припадок?

– Да, – ответила она с глубокой жалостью. – Так, крохотный... Ничего не разбил, даже за мной с ножом не побегал.

Он хлопнул веками, она потрясенно видела, с какой непостижимой скоростью глазные яблоки очищаются от красноты. Через несколько долгих мгновений, в течение которых она не отрывала взора от его удивительных глаз, кровавая пелена ушла. Глазные яблоки сверкали чистотой как фарфоровые, а мелкие кровеносные жилки стали почти незаметными.

– Да, – согласился он, – это я упустил. Ты извини меня, пожалуйста! Это не заразное, честно.

Он поднялся, Юлия невольно отступила. Он возвышался над нею, огромный и нечеловечески сильный. Если захочет ухватить за горло, то ей останется только вспикнуть и вывалить язык.

– Ладно, – сказала она, – все в порядке. Что говорят врачи?

– Думаешь, – ответил он хмуро, – врачи об этом знают? Это у меня недавно... Но заняться собой некогда, все на бегу... Вот разделаюсь с делами – займусь.

Она вздохнула с облегчением:

– Если это не врожденное, то излечимо.

– Не врожденное, – заверил он.

– Ладно, отдыхай, – сказала она с сомнением, – я приготовлю ужин. Потом расскажешь, что у тебя за такие дела, что о собственном здоровье подумать некогда! Подумать только, есть еще такие мужчины...

С телеэкрана неслась разухабистая дурь, он взял пульт и бросил на диван. Экран тут же погас, в комнате настала тишина. Едва слышно шипел стораемый газ. Юлия ощутила внутри себя некоторое щекотание, будто его взгляд проникал в ее внутренности.

Сердясь на себя за такую чувствительность, она грубо сдирала с курицы примерзший пластик, спросила независимо:

– А ты кто по профессии?

– Геополитик, – ответил он после некоторой паузы.

– Гинеколог? – переспросила она. – Ах, поняла... Только не знала, что есть такая профессия. Хорошо платят?

Он сказал опять же после едва заметной паузы:

– Да как тебе сказать...

– Понятно, – прервала она. – Тебе кофе крепкий или побережем здоровье?

Он ответил, как она и полагала, «крепкий», хоть в этом беря реванш за свой приступ, за явно маленькую зарплату, иначе бы распустил павлиний хвост, все мужчины бахвалятся. Хорошо, хоть не соврал, что ходит в министрах и гребет в валюте... Или что приступ – следствие контузии в ходе важной правительственной операции по освобождению заложников.

Она спросила подозрительно:

– Что так смотришь?

Он отвел взгляд в сторону:

– Да так... Ничего.

Его пальцы коснулись решетчатого кожуха большого вентилятора. Юлия предупредила: – Сломан. Что-то перегорело или отсоединилось...

– Жаль, – ответил Олег. Он пощупал коробочку пульта, хмыкнул, ткнул пальцем в кнопку. Лопасты медленно пошли по кругу, тут же слились в серый круг. По комнате пошел ветерок.

Юлия вздрогнула:

– А ты не победитель конкурса «Золотые руки»? Кофемолка у тебя мелет, вентилятор дует...

Снова она уловила его взгляд на себе. Станный, тоскующий, а совсем не тот, какой мужчина бросает на молодую красивую женщину.

– Что-то не так?

– Так-так, – ответил он торопливо. – Что у тебя это за зверинец на подоконнике?

– Ты не знаешь? – удивилась она. – Через четыре с половиной месяца мы войдем в третье тысячелетие! По всей планете... почти по всей!.. готовится грандиознейший праздник! Уже можно запастись шампанское и эту... как ее... рождественскую индюшку.

– Индейку.

– А есть разница?

Его левая щека дернулась, а губы изогнулись зло и невесело.

– Праздник! Снова праздник, черт бы все побрал... Когда работать и работать... Веселье... Третье тысячелетие! Как все еще верят в волшебство!

– В волшебство? – переспросила она удивленно. Ключья пластика трещали, отдирались вместе с куриной кожей, сухо лопались, как фанера. – При чем тут волшебство?

Он придвинул ногой кресло, сел. Лицо его оставалось бледным, голос – невеселым, но теперь Юлия уловила нотки сильнейшего отвращения.

– Какую только магию не приписывают... всего лишь удобной точке отсчета! Иудеи считают от сотворения мира, мусульмане – от рождения Магомета, христиане – от рождения Христа. Совсем недавно договорились принять за точку отсчета предполагаемую дату рождения Христа. До тысяча семисотого года у нас был восемь тысяч какой-то!.. Еще круче, верно? А можно вообще от первых костей кроманьонца. Тогда сейчас на календаре был бы два миллиона какой-то год. Тупым хоть головы поразбивай, твердят, что с первого января двухтысячного года – третье тысячелетие! Первокласник знает, что лишь последний год второго. А до третьего – еще год.

Она смолчала, и он понял по ее смущенному лицу, что и она, человек с высшим образованием, тоже считает двухтысячный год уже началом третьего тысячелетия.

– А как будут разочарованы утром, – сказал он насмешливо, – когда ничего не произойдет! Когда и в третьем будет все то же, что во втором. И придется идти на проклятую службу, в опостылевшие вузы, в противные школы...

– Я разочаровываюсь каждое утро, – сообщила она. – Тем, что приходится просыпаться, идти на эту проклятую... И никакого просвета, ничего не меняется!

Курица наконец заняла свое место в микроволновой печи. Юлия покрутила колечко на таймере, обернулась.

– Сполоснусь под душем, – сообщила она. – Это быстро. Займись чем-нибудь! Вон там диски DVD, даже энциклопедия есть. Ты, похоже, из тех, кто справочники читает?.. Курица будет готова через пятнадцать минут, я выйду через десять.

Он не ответил. Юлия проследила за его взглядом. Ее гость повернулся к окну, рассматривал оконную раму. Юлия уже и забыла, что там вон, в ее стерильно чистом мире, на бело-снежной раме сереет неопрятный продолговатый комок. Она несколько раз, когда мыла стекло, проходила и по нему мокрой тряпкой, но куколка вцепилась в дерево как клещ, держится.

Прошлой осенью в открытое окно откуда-то снизу вползла толстая мохнатая гусеница. Юлия панически боялась любых червяков, потому сразу же начала искать, чем бы прихлопнуть... Но тут раздался телефонный звонок, взволнованный голосок Валентины, школьной подруги, пропищал умоляюще, что не могла бы приехать, нелады с мужем, ребенка оставить не на кого, а этот идиот уже и телевизор вышвырнул из окна: счет футбольного матча не одобрил... Пришлось срочно выскакивать, мчаться на другой конец города, улаживать, сидеть с перепуганной подругой, потом люди в милицейской форме, протоколы и прочие бумаги, наконец дурака увели в участок, а ей пришлось заночевать...

Прямо от подруги с утра на службу, коллеги острили, что раз не переделалась, то ночевала не дома. Наконец добралась домой, приняла душ, поела вволю и только к самому вечеру, подойдя к окну, увидела, как гусеница старательно прикрепилась к раме возле самого стекла, так что со стороны казалось, будто две толстые гусеницы остановились передохнуть. По телевизору в этот момент начался любимый сериал, а после сериала ток-шоу про одиноких женщин затянулось далеко за полночь...

На следующий день гусеница сморщилась, с шеи начала сползать шкура, а затем выглянул острый нос блестящей ракеты. Чуть позже шкура высохла и свалилась клочьями, а остроносая с обоих концов куколка, чем-то похожая на пулю и на космическую ракету разом, осталась на раме. Юлия с нею примирилась, но когда мыла окно, то мокрой тряпкой безжалостно проходила и по ней. Впрочем, прочные доспехи выдерживали такой натиск, как на природе выдерживают дожди.

Сейчас блеск угас, куколка растрескалась, а из щелей высунулись гадкие шевелящиеся щупальца. Юлия подавила чувство отвращения, остановилась за спиной Олега. Тот неотрывно наблюдал за этими слабыми лапками, что просунулись в трещину и беспомощно шарят по воздуху. В остром торце лопнуло тоже, туда просунулись вялые слабые усики, затем уродливая голова с огромными, еще невидящими... или видящими?.. глазами.

– Трудно поверить, – сказала Юлия, – что из гусеницы получается бабочка!

– Еще как трудно, – ответил Олег. Он даже не обратил внимания, что Юлия положила ему мягкие ладони на плечи и нагнулась так, что ее полные груди провоцирующе коснулись его затылка. – Сколько раз такое видел...

– Ты не специалист по насекомым?

– Увы, – ответил он со вздохом, – всего лишь по людям.

Она засмеялась, принимая шутку. Он повернулся, его руки сграбастали ее за талию, она очутилась в могучих объятиях, на коленях, на миг прижалась к широкой и твердой, как доска, груди, по телу удивительно быстро пошла сладкая волна. Сердцась на себя, засмеялась принужденно, поспешно высвободилась:

– Что-то у нас все не так... Кофе на ночь, говорим черт-те о чем!..

– Наверное, – предположил он, – мы не такие, как все.

– Это конечно, – согласилась она. – Мы – самые лучшие!

Засмеялась снова, у нее ровные красивые зубы, и потому смеяться можно очень широко, правда, с левой стороны один зуб почему-то посерел, но настолько широко она пасть и не разевает, иначе он увидит ее трусики, а при смехе у нее еще и милые ямочки на щеках...

Олег улыбнулся, мысли этой феминистки как на ладони, как и она вся. Как будто он не видит ее слегка подпорченный правый коренной зуб и даже соседний, о начале кариеса которого она даже не подозревает, как будто не видит сквозь тонкое летнее платьице ее фигуру, не видит ее родинку, форму клитора, золотистого пушка на лобке, где волосиков на удивление мало, как у ребенка! Крохотная родинка слева, розовая, почти скрытая под золотистой шерстью. Нежная кожа, шелковистая на ощупь. Пупок аккуратный, не широкий, какие положены восточным красавицам по канонам их красоты, вполне европейский. Ноги хорошей формы,

целлюлит в самой ранней форме, достаточно длинные, с развитыми икрами и неплохой формы лодыжками...

Ей тоже показалось, что он видит ее всю, даже со всеми внутренностями и наполовину заполненным кишечником. Вспыхнула, ощущая, как кровь прилила к щекам, повернулась и пошла к ванной. Все это время чувствовала, как он провожает ее долгим внимательным взглядом. «Надо завести собаку, – мелькнула сердитая мысль. – Сейчас чувствую просто радость, что этот рыжий в моей квартире». А почему? Да всего лишь потому, что страшно идти в ванную, оставляя квартиру вот так. Насмотрелась фильмов, где как только красивая молодая женщина, вот как она, уходит в ванную и включает воду, тут же в квартире неслышно появляется маньяк с длинным ножом или топориком в волосатой руке. И ходит, гад, по квартире, ходит, а она плещется, ничего не слышит, наконец он видит ее стройный силуэт под струями воды... интересно, увидел бы этот Олег ее великолепную фигуру... ах да, это только у них там двери из рифленого стекла, а здесь простые, из дереваплиты...

«Да, – подумала она сердито, – я радуюсь только потому, что в комнате кто-то есть». Так бы и собаке радовалась. Та, по крайней мере, залает, предупредит. Правда, этот тоже... здоровый как лось. Хоть и не стал драться с теми сопляками, но чувствуется, что не струсил. Наверное, тренер какой-нибудь футбольной команды. Или хоккеист. Только вид у него такой, словно после тяжелой травмы. И за бок держался, даже кривился...

И что за странная эпилептика, которая, как он говорит, началась совсем недавно?

Глава 3

Дверь ванной легонько хлопнула. Судя по крохотной щелочке, эта трепетная женщина с заячьим сердцем и телом Артемиды на защелку не закрылась. Тоже чувствует, кому можно доверять. Или готовится попросить подать ей полотенце?

Олег усмехнулся, усилием воли попытался заглушить сильнейшую боль в печени, но удалось только наполовину. В правом боку полыхает жар, словно туда впихнули раскаленный булыжник. Кое-как, перекосившись, включил ее комп, выбрал из стопки лазерных дисков поновее, сунул в сидюк. Через дверь ванной донесся шум льющейся воды. Из двух стареньких динамиков мелодия пошла ровная, даже странно для современной красивой женщины.

Зазвонил телефон. Олег быстро посмотрел на окна. Хотя он избегает подходить так, чтобы его силуэт мелькнул на шторе, но стекла здесь простые, направленный микрофон в состоянии схватывать разговоры по всей квартире.

Из ванной пахло бодрящим холодом. Струи из закрепленного над головой шланга с силой били по блестящей коже. Юлия, блестящая, как мраморная статуэтка под каплями дождя, красиво повернулась в его сторону. В серых глазах смех и сдержанное торжество: редкий мужчина не отыщет повод, чтобы не заглянуть в ванную.

– Что-то случилось?

Олег молча протянул ей телефон. Юлия с той же торжествующей улыбкой протянула руку, красиво и величественно, мокрые пальцы подняли трубку.

– Алло?.. Валентину?.. Звоните ей домой... Ну, если она не оставила вам телефон... А кто звонит?.. Что-то передать?

Олег насмешливо наблюдал, как она нахмурилась, положила трубку.

– Что, даже не назвался?.. А говоришь, далеко ушли от язычества.

Она положила трубку на рычажки, глядя ему в глаза. Мокрые волосы прилипли, но и без пышной прически она выглядит изумительно, и она это знала. Семьсот долларов за татуаж, теперь ни один мужчина не испугается, увидев такое лицо без косметики. А фигура у нее и без всякого шейпинга...

Однако он отступил с мокрым телефоном в руках. Холодные брызги все еще падали на его тонкую рубашку, под ней четче обозначились как выпуклые грудные мускулы, так и квадратика живота. На широком черном поясе коробочка мобильного телефона, еще пейджер, другие коробочки...

Стараясь стряхнуть с себя наваждение, она спросила насмешливо:

– Еще и мини-компьютер?.. Зачем?

– Там модем, – объяснил он равнодушно. – Передача идет точнее.

– Точнее, чем что? – уточнила она, не поняв.

Он странно взглянул на нее:

– Чем без модема.

Она не поняла, как можно передавать информацию без модема, но красноголовый гость отступил за дверь, напоследок бросив на ее нагое блестящее тело охватывающий взгляд... не жадно лапающий, а скорее дружеский.

Закрыв дверь, Олег прислонился к двери спиной. В боку все сильнее растекается нехорошее жжение, словно теннисный мяч превратился в горячий ком свинца, уже плавится, а раскаленные капли прожигают кости. Внезапно и без предупреждения заломила нижняя челюсть, стрельнуло в ухо. Он отнес телефон на стол, подумав рассеянно, что звонившим движет древний первобытный страх, что если узнают имя, то получают власть над ним самим. Да, этот мир еще в язычестве... А это обилие шаманов... то бишь священников, гадалок, ведьм, знахарей, оккультистов и прочей шушеры... Не рано ли швырнули в научно-техническую эру?

Раздался звонок. Он с недоумением посмотрел на телефон в руках. Не сразу сообразил, что звонят в дверь, совсем голова отупела... Поставил телефон на столик, поморщился, кто же ходит без приглашения, да еще в такое позднее время, прислушался к шуму воды за дверью ванной. Ладно, откроем сами...

За дверью стоял офицер в пятнистой форме. За ним двое крепких ребят в таких же пятнистых комбинезонах. Офицер при кобуре, руки парней на автоматах, что свисают с плеч, стволы повернуты в его сторону.

Олег уставился бараньим взглядом. Офицер сказал брезгливо:

– Вы... и все, кто здесь находится, поедете с нами.

Олег удивился:

– Вы что, милиция?... Что у вас за форма, ребята?

– Мы не милиция, – ответил офицер еще брезгливее. Похоже, его тяготило нелепое задание. – Есть кто еще в доме? Отойдите от двери.

Олег спросил недовольно:

– А ордер у вас есть?

Офицер сказал надменно:

– Нам не требуется ордер. Отойдите от двери.

Он вытащил пистолет. Двое вскинули автоматы. Вид у них был уверенный и насмешливый. Олег послушно отступил на шаг, а затем качнулся в сторону. «Боже, – мелькнуло в голове, – когда же это кончится? Хоть в диком племени, хоть в цивилизованном Риме, хоть в этом... образовании – все то же упование на грубую силу, а не на разумные доводы...»

Мысли еще текли в голове медленно и печально, но заученные рефлексы заставили сократиться мышцы. Офицер и десантники увидели только смазанные движения. Офицер влетел в прихожую и врезался лбом в бетонную стену, а десантники с разбитыми в кровь головами рухнули тоже по эту сторону двери.

Олег аккуратно закрыл дверь, вроде бы соседи не видели, сейчас по первому каналу модное телешоу «А кто сглупит круче?», повернулся. Все трое не двигаются, в болевом шоке от неожиданных ударов. Офицер первым зашевелился, Олег ударил ногой по печени.

– Ну, теперь скажешь, по какому праву? Вернее, кто послал?

Тот скрючился, зажимая руками ушибленное место. Олег схватил за волосы на затылке, задрал кверху залитое кровью из разбитого носа лицо. Офицер хрипел, захлебывался кровью, выплевывал, глаза смотрели с ненавистью. Оба десантника начали шевелиться, как выброшенные на берег медузы. Пистолет и два автомата лежали в дальнем углу.

– Сволочь... – прохрипел офицер. – Убьем...

Зажав волосы так, что кожа натянулась до скрипа, Олег холодно ударил о стену. Послышался хруст, лицо залило кровью. Офицер хрипел, булькал. Олег ударил дважды, сильнее. Не отпуская голову, резко отдернул, всмотрелся в обезображенную маску на месте лица.

В сплошном кровавом месиве булькало, хлюпало. Из кровавой каши вылетели при кашле обломки зубов. Из того места, где были губы, а теперь набухали кровоточащие лохмы мяса, вырвался глухой стон, полный животного ужаса.

– Теперь лучше? – поинтересовался Олег равнодушно.

Офицер хрипел, Олег следил за движением его век. В нужный момент отшатнулся, перехватил свободной рукой кулак десантника. Послышался громкий отчетливый хруст. Десантник дико закричал. Кости грубо сломанной кисти прорвали мясо, торчали зазубренными краями. Олег отпустил, дернув напоследок вроде бы чуть-чуть, но десантник от дикой боли в порванных нервах рухнул на пол, корчился, ослепленный и оглушенный страданием.

Олег начал методично бить офицера лицом о стену, ломая кости, разрывая ткани. Кровь по стене бежала скупой струей. Расплюснутые губы офицера задвигались. Олег другой рукой дотянулся до динамика, приглушил звук.

– Сволочь, – пробулькал офицер.

Олег сказал отчетливо:

– Ты сейчас умрешь. Тебя ничто не спасет. Но сперва скажешь... уже становишься... калекой.

– Ты не... Тебе это... Я скажу!.. Скажу, сволочь...

– Говори, – предложил Олег. Он косился на дверь ванной.

Офицер замешкался с ответом, ладонь тут же ударила ребром по губам. Губы провалились вовнутрь вместе с выбитыми зубами. Офицер закашлялся, торопливо выплюнул крошево зубов со сгустками крови.

– Нас послали из Четвертого управления...

– Кто?

Офицер помедлил, Олег безжалостно начал ломать нижнюю челюсть. Офицер вскрикнул:

– Коваленко... Он куратор!..

– Что он велел?

– Доставить...

– В управление?

– Нет... На квартиру...

Олег кивнул, понятно. Управление – всего лишь питомник для чиновников. Все операции планируются на тайных квартирах. Все тайные службы мира – ЦРУ, ФСБ, Моссад, Сигуранца – имеют тайные конспиративные квартиры. Так что эти бравые парни могут искренне думать, что выполняют официальное задание властей по задержанию опасного врага....

Хрустнули шейные позвонки. Тяжелое тело рухнуло на пол, а Олег в два прыжка очутился возле ванной. Из-под двери катили запахи дорогого шампуня, звякнуло стекло. Он почти слышал скрип чисто вымытой кожи, по кафелю шлепнули босые ступни.

Он позволил двери приоткрыться на ширину ладони, придержал:

– Чудесно выглядишь... Только не пугайся! Сюда ворвались какие-то твои знакомые, устроили разборку, перебили друг друга... Они там, в прихожей. Пьяные, наверное.

Дверь распахнулась, Юлия ахнула, прижала ладони ко рту. Олег метнулся к шкафу, на диван полетели платья, модные брючки, цветные блузки.

– Одевайся. Быстро!

Все еще не веря, она выглянула. Из коридорчика торчат огромные ноги в армейских ботинках на толстой подошве. Ботинки с подковками, форма пятнистая, какими всегда изображают десантников и в чьей форме любят показываться то мэр, то президент, то еще какая жирная свинья, чье пузо не помещается под ремнем... Еще взгляд успел зацепиться за выполняющую из-под тела красную струйку.

Ее трясло, словно ухватила за оголенный провод под током. Она понимала, что надо упасть, кричать, визжать, как положено женщине, но красноголовый гость с таким деловым равнодушием перешагивает через убитых... или пьяных, как он сказал, что она хоть и задыхалась от возмущения, но странным образом воспринимала больше реальными его слова, движения, сердитые взгляды, чем это... которое на полу, в красных брызгах... красных лужах.

– Это не мои знакомые! – выпалила она.

– Да? – переспросил он. – Я тоже сперва так подумал... Чтоб из-за тебя да так ссориться? Но все-таки поубивались же... Ладно, надо уходить. И тебе.

– Мне – зачем?.. Да и тебе... Или ты в чем-то замешан?

Он бросил ей в лицо ворох одежды:

– Теперь и ты замешана. Не понимаешь? Тебя теперь убьют. Просто – на всякий случай. Обязаны!..

Одежду она не поймала, та упала к ее ногам. Халат распахнулся, взгляд изумрудных глаз скользнул по ее телу с холодным интересом профессионального патологоанатома. Лицо оставалось участливым, но зеленые глаза стали чуть строже.

– Ты с ума сошел? – пролепетала она беспомощно. – Надо вызывать милицию. Или ты из этих... каких-то тайных структур? ФСБ, ФБР или ЦРУ, кто вас разберет! Или напротив – мафия?

Он хмыкнул:

– Почему – напротив? Это ж близнецы и братья! Нет, я не из тех силовых структур.

Она правильно поняла уклончивый ответ:

– А из каких?

– Ну... несколько других. Да и какие, к черту, силовые? Разве что в самом широком смысле.

Она сказала в страхе:

– Ладно, я поняла... кажется. Ты не хочешь, чтобы милиция или кто-то там еще знали о твоём участии.

– Твоя вера в милицию трогает сердце. Наверное, ты единственная в стране, кто все еще верит в этих ребят. Но милиция тебя не спасет. Тебя обязаны убить. Просто на случай, если ты что-то увидела или услышала то, что тебе не положено знать. Решай! Либо уходишь сейчас же со мной, либо остаешься умирать... что случится очень скоро.

Он говорил спокойно, обыденно, но на нее словно вылили ведро холодной воды. Оставить квартиру, которую ее родители ждали двадцать долгих лет? Не бросали гадкую малооплачиваемую работу, потому что очередь хоть и медленно, но двигалась, а мечты о собственной квартире становились все реальнее. Оставить насиженное место решались только те смельчаки, что выменивали шило на мыло: чуть лучше или чуть хуже, ближе к центру или к природе. Но оставить просто так? Бросить и уйти?.. Нет, она не настолько сильная, какой выглядит и какой себя подает всем и каждому!

Она вскрикнула беспомощно:

– Ты с ума сошел?.. У меня квартира, хорошая работа!.. Через неделю зарплата!.. А деньги уже кончились...

Она поперхнулась, внезапно подумав, что, на взгляд его тайных структур, она вроде премудрого пескаря, старая и пугливая. В то время как с ним рядом ходят длинноногие красотки в шортах, ничуть не ярче ее, с длинноствольными пистолетами в красивых кобурах и в маечках с глубокими вырезами. И денег эти стервы не считают. И квартиры для них всюду.

– Решилась? – спросил он понимающе. – Ну?

Она тяжело перевела дух, рухнула на диван, сказала с истерическим легкомыслием:

– А, была не была!.. Вообще-то я всю жизнь мечтала вляпаться в какое-нибудь грязное политическое дело. Другим же везет?

Он с сочувствием следил, как она тут же вскочила и торопливо одевается.

– Малявка... ты не представляешь, как в самую точку.

Она спохватилась:

– Но только я ничего не знаю и ничего не умею!

– Признаки типичного русского интеллигента, – кивнул он. – Ладно, малявка... Давай-ка... Хотя нет, погоди.

Он оглядел комнату, ноздри вздрагивали. В глазах появился хищный блеск.

– Что-то не так? – спросила она.

– Мужчиной не пахнет, – сообщил он. – Но когда-то здесь как сыр в масле катался.

– Как сыр? – Она фыркнула. – Он так не считал.

– Не говорил, – возразил он. – Но считал.

Его руки поднялись к антресолям. Она задержала дыхание, по всей его спине пришли в движение группы мышц. Это длилось только мгновение, у культуристов на подиуме это объемнее и эффектнее, но женское чутье подсказало, что эти вот мышцы настоящие, не дутые специальными упражнениями. Эти выглядят так, будто под кожей перекачиваются толстые эластичные канаты.

– Что ты ищешь?

– Я уверен, – ответил он, – что у тебя там кое-что осталось...

– Не смей!

Но он, подтянувшись на одной руке, другой быстро разворошил узлы, связки старых книг, горки посуды, старую обувь, с торжеством выволок мешок с мягким тряпьем. Она задохнулась от возмущения.

На пол полетели тряпки, старые майки, халат, пара рубашек, брюки, еще одни... Наконец он встряхнул и приложил к себе старые вытертые джинсы. Они едва доходили до щиколоток, но в поясе оказались в полтора раза шире.

Глава 4

Через мгновение он стоял перед ней уже в рубашке отвратительно лилового цвета, что едва не лопалась на его широченных плечах. Чтобы скрыть короткие рукава, быстро закатал их по самые предплечья, ворот расстегнул поглубже, а джинсы взял в обе руки и дернул в стороны. Послышался треск, руки разошлись в стороны, в правой остались шорты с модной в этом сезоне бахромой.

– Ветхие, – успокоил он. – Теперь надо уносить ноги. Да и головы.

Она беспомощно металась по комнате, все вещи надо взять с собой, чтоб не пропало, наконец сильная рука ухватила за локоть. Из глубины зеленых глаз смотрела жестокая непреклонность.

– Уходим!

– А когда вернемся?

Ее взгляд пробежал по комнате, по столу с компьютером, семнадцатидюймовый монитор, на прошлой неделе добавила оперативную память... куча новых лазерных дисков... Шкаф с новым платьем, которое успела надеть всего трижды... А каких трудов стоило собрать денег на стол и навесные шкафчики для кухни!

Она чувствовала, какой ответ он проглотил, но после паузы ответил почти по-человечьи:

– В этой жизни возможно все.

Стены замелькали, хлопнула дверь. В подошвы больно стучали ступени. Ее подхватывала сильная рука, поворачивала, задавала направление, она снова неслась как угорелая, периодически сбоку мелькали двери, но она бежала и бежала вниз, наконец впереди внизу появилась дверь, выросла и заслонила собой мир так, что Юлия с разбегу ударилась о нее, как сырник о сковородку.

Она не успела спросить, почему не лифтом, стоит чуть-чуть подождать, вон огонек движется, кто-то поднимается... возможно, как раз на их этаж... но Олег открыл дверь во двор, тут же будто переключил в себе скорости, вышел медленно и степенно, как надлежит в ночное время суток, шепнул одними губами:

– Выходи.

Лунный свет высвечивает спины гигантских черепах, что за ночь сползли в их двор, – так ей показалось вначале. Она еще помнила время, когда во дворе стоял один «жигуль» и два «Москвича», а теперь «Скорая помощь» не может пробиться к подъезду, жильцы ругаются, многие просто из зависти: две трети автомобилей – иномарки, днем на солнце как жар горят их крыши, на хромированные ручки смотреть больно, а ночью то одна, то другая начинает вопить, что ее грабят...

Олег провел кончиками пальцев по крылу элегантного «мерса», отстучал какой-то мотивчик, так ей показалось, распахнул дверцу. Она напряглась, сейчас вззоет сирена, а он взглянул искоса:

– Садись. У тебя глаза размазались.

Не помня себя обежала машину и плюхнулась на сиденье. Мотор уже чуть слышно гудел, а едва дверца захлопнулась, «мерс» послушно порулил мимо таких же... и так же защищенных сигнализациями к выходу на шоссе.

В зеркальце отражалось ее бледное лицо. Насчет краски он загнул, у нее татуаж, чем она гордится. Даже выйдя из ванной не пугает мужчин: губы красиво подведены по контуру, брови узкие и четкие, а подводка глаз просто изумительная. Но на всякий случай спешно раскрыла косметичку, инерция вдавила в сиденье, и она ткнула тюбиком помады в щеку. «Мерс» выбрался на дорогу, занял левый ряд и понесся с нарастающей скоростью. Ночное шоссе не то

чтобы опустело – в Москве никогда не прекращается жизнь, – но машин стало впятеро меньше, Юлия почти перестала страшиться, что они с кем-то столкнутся.

Далеко позади глухо грохнуло. В зеркальце заднего вида она увидела, как по ту сторону здания к темному небу взметнулся столб синего дыма. Словно бы там во дворе возник пожар или же рэкетеры сводят счеты...

Додумать не успела, инерция качнула в сторону и к дверце. Взмолилась:

– Не гони! Нас обязательно остановят!

– Мы хорошо смотримся, – успокоил он. – Стекла не тонированные.

– Ну и что?

– За банду качков никакой патруль не примет. Другое подумают.

Она не решилась спросить, что же о них подумает патруль, сидела тихо. По обеим сторонам проносились массивные дома с широкими темными окнами, но яркие огни рекламы освещали и тротуар, и даже часть шоссе.

Минут через десять машина свернула под хмурую облупленную арку. Мимо проплыли темные, как адская смола, мусорные баки. Внезапно нажал на тормоз, выключил двигатель:

– Выходи.

Юлия покорно дала провести себя через темный двор. В соседнем дворе Олег с той же легкостью открыл вторую иномарку, сигнализация опять смолчала. Юлия уже чуть с меньшим страхом плюхнулась на сиденье рядом.

На этот раз неслись до центра города. Юлия чуть успокоилась, уют роскошной машины действует расслабляюще. Из подсознания выплывали странные мысли, совсем не свойственные ее образу жизни: «Гуляй, Маша! Надо жить красиво!.. Помирать, так с музыкой...» И даже из пушкинской «Капитанской дочки»: «Лучше тридцать лет орлом, чем триста – вороном...»

Внезапно он сказал:

– А вот отсюда уже пешочком.

Мимо проплывали обшарпанные, какие бывают только в центральной части Москвы, стены. Двор тесен, заставлен сплошь иномарками, сверкающими и просто кричащими о достатке и богатстве владельцев, Олег умело втиснул машину между двумя красавцами с хромированными колесами, спросил:

– Выбраться сможешь?

Она с трудом отыскала крохотную кнопку, что открывает дверцы, но ответила достаточно независимо:

– Я не такая уж и толстая.

– Тогда выскальзывай. Приехали.

Снова проходные дворы, затем приблизилась и охватила со всех сторон стиснутая массивными, как горы, домами площадь. Он кивнул на высокое здание из красного кирпича:

– Остановимся пока там.

Она замедлила шаг:

– У тебя с головой все в порядке? Это же «Националь»!

Он ответил рассеянно:

– А где я тебе возьму «Хилтон»? Лопай, что дают.

«Националь» надвигался, таинственный и страшный, здание совсем другого мира, куда входят совсем другие люди, которых видела только в массмедиа: дипломаты, крупные финансисты, главы мафиозных структур, банкиры, нефтепромышленники, киллеры...

Она напрягалась все сильнее, а когда впереди показалась и начала вырисовываться во всем блеске массивная дверь, когда засверкали золотом ручки, сердце уже колотилось, как у зайца, а заискивающая улыбка примерзла к губам.

У двери тяжело отдувался огромный министр обороны, таким он показался ей. Судя по блистающим эполетам, галунам и украшениям, готовился принимать парад на Красной площади.

Олег кивнул ему небрежно, генерал тут же склонился в поклоне и угодливо распахнул дверь. Юлия деревянными шагами двинулась следом. Она чувствовала испытующий взгляд швейцара, внезапно поняла, что он думает: богатенький иностранец привел местную непрофессионалку, что все еще стесняется изменять мужу за деньги.

Она постояла в сторонке, пока Олег беседовал с клерком, потом он кивнул ей, и она послушно пошла следом, как восточная женщина. На широкой мраморной лестнице ноги утопали в толстом ковре.

Когда он распахнул дверь в их номер, Юлия, выполняя роль кошки, вошла первой... и остановилась, загораживая вход. Олег толкнул в спину, прошел в глубину, сразу сел к телефону, потом увидел через открытую дверь соседней комнаты комп, быстро прошел туда, а она все еще стояла, оглушенная и замороженная.

Богатство не бросалось в глаза, а роскошь не кричала о себе, как орут новые русские, что навешивают толстые золотые цепи и держат пальцы врасстырку. Здесь все выполнено в сдержанных тонах, полных достоинства. Предполагалось, что жилец настолько привык к своим миллионам, что ему нет нужды одеваться только от Кардена, ставить вокруг себя золотые бюсты: он может позволить себе появиться и в драных шортах.

Она перевела дух, чувствуя, как вся дрожит, будто после долгого плача. В раскрытую дверь видно Олега, он всматривался в монитор, а пальцы быстро бегают по клавише. Когда она тихохонько прошла в ту комнату, огромную, как главный зал в церкви, взгляду открылась еще одна дверь.

Она робко взялась за позолоченную ручку, явно сделанную по особому заказу цехом золотых дел мастеров. Вместо платяного шкафа, как она ожидала, распахнулось еще нечто огромное, с люстрой как в Большом театре, с множеством дорогих кресел, диванов, столов и столиков, изящных ваз в нишах, крохотных статуэток на полках...

– Это... что? – спросила она дрогнувшим голосом. – Здесь проводят конкурсы балльных танцев?

Он на миг оторвался от клавиш:

– Не люблю танцы возле кровати.

Только сейчас, ослепленная и оглушенная, она поняла, что то непонятное широкое поле, нечто среднее между теннисным кортом и аэродромом, является кроватью. Точнее, ложем, лежальцем, даже возлежальцем.

– Да? – сказала она с нервным смешком. – Чего уж... Гулять так гулять!

Он буркнул, не отрывая взгляда от монитора:

– Разве гуляют так?..

Она втянула голову в плечи, как испуганный ежик. Страшно и представить, как гуляют люди, которым такие номера в обыденность.

– Можно я загляну в ванную?

– Конечно, – удивился он. – Почему спрашиваешь?

– Ну... я боюсь, что не найду.

Он отмахнулся:

– Ищи, ищи. А мне пока надо кое-что сделать...

– Ты так много знаешь и умеешь, – сказала она уважительно. – И говоришь так умно и возвышенно, как наш школьный учитель. Зануда был страшный! Его считали немножко чокнутым. Но любили. Придурков всегда любят. Вернее, жалеют.

Он хмыкнул, но смолчал, его пальцы бежали по клавише, а глаза не отрывались от монитора. Она слышала знакомый писк модема.

– Представляю, какие зануды ваши старшие чины, – добавила она ядовито. – Если ты, рядовой исполнитель, заразился этой гадостью!

Он буркнул, не поворачиваясь:

– Почему я – исполнитель?

– Думаешь, кина не смотрю?.. Там вас так и зовут – исполнители. А из какой ты структуры: НКВД, ЦРУ или Моссад, даже не спрашиваю.

– Тоже мне патриотка, – буркнул он.

– А теперь патриотов не осталось, – отпарировала она. – Патриотами быть не модно.

– Да, – согласился он со странной интонацией. – Мода – это закон посильнее, чем Конституция, Уголовный или Налоговый кодекс. Моде подчиняется даже оппозиция, что вытирает ноги о президента... Ты права, на руководство модой надо обратить больше внимания.

Она вскинула тонкие брови, села с ним рядом, но так, чтобы в профиль, откинулась на спинку – так линия ее безукоризненной груди выгоднее вырисовывается на светлом фоне окна. Олег сопел, возился с компом, не косил глазом, зануда, страшно и подумать, какие зануды его начальники, если он, бывающий в их кабинетах редко – такие орлы всегда на заданиях! – успел подхватить эту заразу.

Не отрываясь, он рассеянно погладил ее по голове, почесал за ухом, провел рукой по спине, сделав пальцы вдоль позвоночника «грабликами». Юлия выгнулась от наслаждения, внезапно повернулась, взглянула в его странно потеплевшее лицо.

– У тебя была собака?

Он вздрогнул, мечтательное выражение из глаз выдуло, как туман под лопастями вентилятора. Лицо даже посерело, кожа на скулах натянулась.

– Да, – ответил он негромко.

– Такая же рыжая?

Он смолчал, хотел высвободиться, но Юлия уцепилась за его руки. Он медленно разлепил губы, которые теперь двигались медленно, словно пришли в движение скалы из красного гранита.

– Извини... я не хотел тебя обидеть.

– Ты меня не обидел, – ответила она быстро. – Когда моя... моя Зита умерла, я неделю жила на корвалоле. Меня с работы отпустили на три дня. Пластом лежала. До сих пор не могу смотреть... смотреть на собак!

– А я кусок хлеба не мог проглотить, – шепнул он невесело. – Она всегда сидела на кухне... Я бросал по ломтику все, что ел. Она поймает и... смотрит так хитро: я уже съела, бросай еще... Извини.

Юлия сказала торопливым шепотом:

– Это ты извини!.. И спасибо тебе. Это тебе спасибо, понимаешь?..

Он наклонился, его твердые губы коснулись ее щеки.

Она слабо усмехнулась:

– Услышал бы кто нас. Двое придурков. О чем разговариваем?..

– Нас поймет тот, у кого на руках умирала его собака. Чью голову держал в руках... и ничего не мог изменить.

Он снова поцеловал ее как ребенка, умолк на полуслове. По его лицу метнулась тень тревоги. Уши шелохнулись, как у зверя, ноздри раздулись, словно он, как пес, ловил и понимал запахи.

– Что случилось? – спросила она почему-то шепотом.

– Быстро иди в ванную, – велел он. – И закройся там.

– Но что...

– Быстро! Черт, где же это я проморгал... Осел, какой осел! Они уже на балконе.

Голос его был незнакомый, жесткий, совсем не голос покровительствующего мужчины. Напуганная, она поспешно встала, в комнате тихо, слышно, как далеко за окном взвизгнула тормозами машина, но рыжеволосый поднялся, руки растопырены, в глазах уже не тревога, а откровенный страх.

Юркнув в ванную, она прикрыла за собой дверь, замерла, прислушиваясь. В комнате мертвая тишина. Тихохонько приоткрыла дверь, чтоб на полглаза, ахнула. Олег спокойно сидел на диване и читал газету!

Она набрала в грудь воздуха для возмущенного вопля, рука уже напряглась, чтобы дверь распахнуть с треском... и тут на балконе зазвенело стекло. Удар был сильным, она слышала звон осколков по дубовому паркету. Тут же грохнуло, послышался тяжелый топот.

Балконная дверь вылетела на середину комнаты. Следом невероятно быстро ворвались чужие люди. Один влетел в кувырке, она едва успела понять, что из этого комка костей и тугих мускулов торчит ствол автомата, тут же простучали частые сухие выстрелы, словно в комнате вдруг застрочили три или четыре швейные машинки.

Пули со страшной силой ударили в человека. Газета в его руках осталась странно нетронутой, только его самого трясло, вжимало в спинку дивана. В дверную щель было видно, как из пробитой груди брызнули... опилки! Широкие дыры от пуль зияли на спинке дивана, на стене за диваном. Юлия своими глазами видела, как одна пуля ударила в щеку и сорвала кожу напроць. Мелькнул страшный ряд белых зубов, непривычно крупных, их тут же залило кровью, но через мгновение там было все то же невозмутимое лицо человека, который смотрел в газету.

Один из бандитов подскочил вплотную, приставил ствол ко лбу жертвы, явно намереваясь разнести ее вдребезги. Олег в последнем смертном усилии вскинул руки, словно пытаясь ухватиться за ствол...

И в этот момент прогремели пистолетные выстрелы. Они следовали один за другим настолько быстро, что почти слились в один. Человек в маске вздрогнул. Из середины лба выплеснулась тонкая струйка крови. Еще три бандита роняли автоматы, поворачивались вокруг оси, только последний успел нажать на спусковой крючок, а короткая очередь вспорола потолок.

Олег вышел из-за второй портьеры. Пистолет он на ходу прятал в кобуру сзади на поясе. Юлия перевела потрясенный взгляд на диван. Вся спинка изорвана в клочья, торчат пучки синтетической начинки, но нет ни Олега, ни даже газеты...

Она видела, как Олег наклонился над одним, всмотрелся, а затем спокойно наступил ему на горло. В наступившей тишине неприятно хрустнуло, словно собака перекусила крупную кость.

Глава 5

В ужасе, едва не теряя сознание, она тихонько притворила дверь, опустилась на край ванны. В черепе стучали молоточки, а к горлу подкатила тошнота. В плечо уперлось горячее, она прижалась к колену трубы, страхась грохнуться на пол: если явятся новые бандиты, то услышат, придут и убьют. А то и вовсе, не потрудившись даже сдвинуться с места, выпустят в закрытую дверь сотни пуль из этих скорострельных автоматов...

В голове стучало все громче. Ей показалось, что просидела вечность, никто не приходит, дверь не разлетается от ударов раскаленных комочков металла. Ее пальцы сами коснулись дверной ручки.

Через щель видно, что балкон зияет выбитой дверью, в комнате разгром. Четверо мужчин в знакомых по фильмам пятнистых костюмах спецназа, с черными масками на лицах, превратились в залитые кровью тряпки, лежат без движения. У одного голова запрокинулась, на месте правой щеки страшно скалятся зубы. Под левым глазом темный кружок запекшейся крови. Он окружен валиком, похожим на кратер погасшего вулкана. Она с ужасом поняла, что это место, куда вошла пуля.

Олег оглянулся, развел руками:

– Что-то им возле нас как медом намазано, верно?

Она прижала руки к груди:

– Что?.. Кто ты?

– Успокойся, – сказал он. – Я не марсианин. Идет отработка одной сложной операции. Ну, все должно быть как наяву. Это не кровь, понимаешь?

– А что? Что?

– Краска, – сказал он. – Как в пейнтболе.

– Пей... пейнтболе?

– То же самое, – успокоил он. – Я ж говорю, отработка одной сложной операции. Но нужно, чтобы все было как в жизни. Ты же знаешь, что для тренировок строят даже копии городов, куда собираются забросить диверсантов...

Она о таком расточительстве краем уха слышала – вот куда уходят налоги, – даже видела в каком-то фильме, судорожно перевела дух:

– Ну ты и сволочь!.. Не мог предупредить!

– Не мог, – признался он. – Все надо делать будто взаправду.

Дрожь, что сотрясала ее, вырвалась наружу. Она ощутила, что слезы брызнули даже из ушей. Она заревела, в груди стало горячо, в глазах повисла мутная горько-соленая пелена, зато огромные ладони держали ее как ребенка, одновременно гладили, как ребенка, по голове и, как кошку, по спине, даже вроде бы почесали за ухом.

– Нет, – вырвалось у нее через всхлипывания, – ты – монстр!.. Монстр, монстр!.. Монстр!..

– Монстр, – согласился он. – Еще какой!.. Чудовище. А ты видела, какие у меня зубы?.. Счас я вопьюсь в твою белую шейку...

Его руки держали ее крепко, надежно. Под ухом подрагивала выпуклая пластина груди, из глубины доносились мощные толчки. С замиранием сердца она чувствовала, как эти толчки становятся все реже. Волосы на груди щекотали ее ноздри. Она звонко чихнула.

– На здоровье, – сказал он.

Она ощутила, что взгляд зеленых глаз скользнул поверх ее головы, напряглась, но голос над головой только буркнул:

– До чего же пал народ. Как будто не видят, что стекла разбиты. Хоть и ночь, но заметить бы надо. Всем все до фени... В самом деле, спасти ли такую страну?.. На всякий случай

запомни: ты только что пришла по вызову, застала все в таком виде и собралась звонить в милицию. Поняла?.. Это на тот случай, если кто-то явится прямо сейчас. А на самом деле тебе тоже придется оставить это место. Причем очень быстро.

– Снова? Бежать?

– Они наверняка вернутся, – объяснил он с деликатностью гренландского ледника. – Меня уже не будет, а тебя зарежут. Или удавят. Или просто прибьют. Но погасят тебя обязательно.

– Почему? – воскликнула она.

– А чтоб все было как взаправду, – объяснил он. – Ты извини, я понимаю твои неудобства... У тебя там осталась жирнющая курица в микроволновке. Но с другой стороны, я тоже кофе молот зазря!

– За... зазря? О чем ты говоришь?

– В первый раз, – поморщился он, – за мной послали, как теперь понимаю, ребят, ничего им не объяснив. За что те и поплатились. Но сами, оказывается, следили... Профессионально! На этот раз послали ребят, которые находятся в их структуре. Им нужен был я, они меня получили, расстреляв в упор без предупреждения. Ну, так они думали. Когда один восхотел контрольный выстрел, я сломал ему шею. Не взаправду, конечно. Им пришлось думать, как незаметно убрать труп члена своей команды... ведь действовали тайно, и никто уже не думал о контрольном выстреле... Тем более и так было видно, каков я...

Она вздрогнула всем телом:

– Еще бы! Но почему ты решил, что я не расскажу направо и налево?

Брякнула и осеклась. Он же может свернуть ей голову в любую минуту! Уже взаправду. Теперь понятно, что тот взрыв и пожар, что она видела из удаляющегося «мерса», был в ее дворе, был из-за них, как-то связан с ними...

Он светло улыбнулся:

– Я тебе доверяю. У разных людей разные способности. Я, к примеру, не умею острить, мне медведь на ухо наступил, еще я скорее удавлюсь, чем запою... тот случай не в счет, зато могу определить, кому можно доверять, кому нет.

Она сказала саркастически:

– Это я такая вот с ног до головы честная?

– Разве я сказал – честная?

– Ты сказал, что доверяешь...

– Это разные вещи, – ответил он.

– Ну спасибо!

– А ты по внешнему виду можешь ощутить, кто злой, а кто добрый?

– Внешний облик обманчив, – заявила она.

– Да, – согласился он. – Конечно-конечно! Кто спорит? Но почему-то, глядя на людей на улице, одних считаешь хитрыми, других простодушными, третьих вообще...

Не договорив, он быстро скользнул к окну, взглянул сквозь кисейную занавеску. Послышался едва слышный металлический стук, Юлия быстро посмотрела вниз. На пол посыпались металлические комочки. Странные, изуродованные, расплюснутые. Что-то странное и страшное ей напомнили, но едва успела понять, что это, как голос Олега прозвучал напряженно:

– Две группы прикрытия на той стороне улицы. Значит, два-три человека в вестибюле, двое сейчас поднимаются на лифте... Видишь вот тот элегантный автомобиль-фургончик? Это броневик, наштигованный... Да ладно, к чему тебе подробности? Просто в него лучше не попадать.

Она вздрогнула, сразу почему-то представив себя на операционном столе в том автомобиле. Жуткие хирургические инструменты разрезают ее тело, а она корчится в нечеловеческих

муках, кричит, глаза ее некрасиво вытаращены, на шее вздуваются безобразные жилы, что так старят любую женщину.

– И никак нельзя? – спросила она упавшим голосом.

Он скользнул к другому окну, Юлия видела, как сразу посерело его лицо, морщинка на лбу стала глубже.

– Ого!.. Оцепили весь квартал. Это же какого ранга враг...

– Что теперь делать? – прошептала она. – Нас убьют здесь?

– Лучше бы, – сказал он, – в другом месте. И в другое время. Все, уходим. Быстро!

Обнаженный до пояса, в почему-то продырявленных шортах, он метнулся к двери, прислушался. Юлия встала за его спиной. В теле дрожала каждая жилка.

– Выходим, – велел он.

В широком коридоре на нее подозрительно смотрели портреты на стенах, прогнулся багровый ковер под ногами, массивные позолоченные ручки надменно выгибали бока. На ближайшей слегка колыхнется бирка с надписью «Don't disturb», Юлия невольно взглянула вверх, там бесшумно двигались по кругу широкие лопасти вентилятора.

Одновременно она заметила и холодный глаз телекамеры, что разглядывал ее пристально и бесстрастно.

Олег помчался длинными скользящими прыжками. Ее туфли утопали в ковре, все бесшумно, нереально, словно во сне. Когда Олег вломился в одну комнату, Юлия сжалась, ожидая выстрелы, крики, но, когда добежала до открытой двери, в лицо пахнуло несвежими простынями. Олег отодвигал от стены тележку с бельем.

Лязгнуло железо. Олег открыл в стене широкую заслонку. Труба блеснула праздничным никелем, словно бас-геликон в военном оркестре. Оттуда несло жаркими ночами, разлитым вином, мясным соусом и женскими выделениями.

– Полезешь первой? – спросил Олег.

– Ни за что! – воскликнула она.

– Как хочешь, – бросил он.

Одним прыжком вернулся к двери, захлопнул и закрыл на задвижку. Через мгновение по ту сторону словно пронеслось стадо носорогов. Олег быстро влез в трубу ногами вперед, плечи едва-едва помещались. Всего миг его пальцы цеплялись за края, он дергался, лягался, затем его руки исчезли.

Юлия видела, как в темноте гаснут его красные волосы. Донесся слабый скребущий звук, все затихло. Она в страхе оглянулась на дверь. Сейчас те уже добежали до их номера... ворвались... автоматы на изготовку... увидели трупы... тут же выскочили и бросились на поиски... Вряд ли станут врываться во все номера подряд, наверняка сперва проверят покои горничной, кухарок...

Вскрикнув от ужаса, она взобралась на стол, оттуда не сразу попала ногами в трубу, сдвинулась чуть вниз, чувствуя недобрый холод мертвого металла. Пальцы судорожно цеплялись за края, она заплакала от страха, сделала над собой невероятное усилие...

...и ее понесло вниз.

Дальше все слилось в один сплошной кошмар. Где-то она скользила сама, где-то приходилось ползти за Олегом по длинной толстой трубе, опускаться с этажа на этаж, плюхаться в чаны с грязным бельем. От нее уже пахло мужскими трусами, майками футболистов, ночным бельем и прочей гадостью, что остается на простынях.

Иногда в трубах и странных проходах попадались перегородаживающие путь пластмассовые решетки, вентиляторы. Олег крушил их с первого же удара, а Юлия едва перебиралась через торчащие, как ножи, обломки.

Голова кружилась от множества поворотов, дурных запахов. Наконец труба изогнулась особенно круто. Юлию понесло как на горках, в горле зародился пронзительный визг, как домкратом разжимал ей губы...

Внезапно гладкий, словно намыленный, металл под спиной кончился. Ее швырнуло в воздух, сердце остановилось... сильные руки подхватили на лету, как словно бы он схватил пролетающую муху. Тут же ее перевернуло, каблучки уперлись в пол, а властный голос шепнул в ухо:

– Тихо! Они оцепили все здание...

Она сглотнула воздух, ее глаза дико раскрылись. Теперь от нее вдобавок пахло еще и стиральным порошком. На цементных стенах блестят крупные капли, воздух как в бане. Олег пробежал вдоль стены, трогал, прислушивался. Внезапно на глазах изумленной Юлии часть стены сдвинулась. Появился темный проход, куда можно влезть на четвереньках.

Юлия простонала:

– Нет!.. Только не снова!

– Это еще что, – бросил он насмешливо. – Ты мышей точно боишься?

Молча она полезла в проход. Похоже, Олег как-то дознался о ее участии в феминистских кружках. Сейчас, конечно, нет, но когда-то она приходила в бешенство, если иронизировали над страхом женщин перед мышами, и потому назло лезла как слон в любую темную дыру.

За спиной глухо чавкнуло, стало темно. В страхе она остановилась, но в пятки толкнуло, грубый голос прорычал:

– Не спи – замерзнешь.

Стиснув зубы, она поползла, чувствуя, что двигается через смесь грязного воздуха с такой же грязной водой. Ход тянулся строго по прямой, так ей казалось. Она ползла бесконечно долго, в голове кружилось. Она не поняла, что случилось, когда вдруг лбом ударилась в твердое.

Не успела ощупать, по спине побежал холодок. Тупик!

– Ложись, – слышался голос за спиной.

Тяжелые руки прижали ее к грязному полу. Она простонала рассерженно:

– Что за извращенец...

Щелкнуло, вместо тупика возникло странное серое пространство. С ужасом она ощутила себя на краю бездны. Олег, прижав всем весом к полу, что-то проделывал над ее головой. Скрипело, пощелкивало, наконец ненавистный голос сказал хрипло:

– Все еще работает... Повезло. Вползай, улитка.

На уровне с нею в слабом сумеречном свете появилась кабинка размером с лифт, только без стен, если не считать стенами бордюрчик высотой в ладонь. Под ногами пол зашатался, как при землетрясении. А когда следом ступил этот страшный человек, ей показалось, что вот-вот все рухнет в темную пропасть.

Он что-то делал, тянул, она сидела на корточках, пальцы вцепились в края, как клешни рака. От страха замуривалась, но поняла, что с большой скоростью опускаются, почти падают в темную бездну. Иногда Олег пыхтел, стонал, она чувствовала, что его мышцы едва не рвутся от натуги, тогда движение их лифта замедлялось.

Воздух стал спертым, плотным, словно упали к центру земли. Наконец кабинка дрогнула, остановилась. Под ногами заходило ходуном. Юлия поняла, что это выпрыгнул Олег.

В следующее мгновение сильная рука выдернула ее как пробку из бутылки. Она ударилась о твердое, решила, что налетела на колонну, но это был Олег. Он придержал ее, дрожащую, свет от фонарика высветил старую поржавевшую стену, похожую на борт списанного крейсера.

Грубый голос сказал в ухо:

– Не двигайся.

Свет фонарика метнулся в сторону, Юлия вздрогнула, на короткое мгновение увидела такое, что навсегда врезалось в память. В двух шагах на земле оскалил зубы человеческий череп. Рядом хищно топорщилась клетка из ребер. Остатки одежды истлели, Юлия различила только ремень с медной пряжкой. Луч света метнулся в сторону, но ей почудилось, что там, во тьме, этих черепов и костей намного больше.

Глава 6

Заскрипело, участок стены уполз в темноту. Олег втолкнул в нишу Юлию, шагнул следом. Тут же стальная плита медленно поехала обратно. Юлия уперлась спиной в холодный металл, в ужасе пощупала растопыренными руками стены, – они в замкнутом пространстве, – всеми фибрами чувствуя немыслимую толщину металла, здесь как на глубинных подводных лодках, даже воздух спертый, можно резать ножом...

Олег что-то выстукивал. Юлия сцепила зубы, не позволяя себе ни завизжать, ни грохнуться в беспамятство. Шелестнуло намного тише, с другой стороны лязгнуло. С астрономической неспешностью в стене возникла щель, с той стороны явно был слабый свет. Щель начала шириться судорожными рывками. Застыла, стало слышно, как надрывно воют и скребутся далекие моторы.

– Мы замурованы! – вскрикнула она.

– Размечталась, – процедил он.

Его плечистая фигура загородила щель. Донесся его мощный вздох, моторы с облегчением вздохнули. Щель начала шириться снова.

– Выползай, – донесся сдавленный голос.

Юлия проползла между его расставленных ног. Под ее коленями и ладонями был шероховатый бетон. Оглянувшись, увидела, как Олег протискивается в щель, лицо перекошено болью.

Он почти выпал, дверь в шлюз так и осталась полуоткрытой. Олег с проклятиями подбрал обломок стального прута, что-то колотил, моторы снова загудели, щель сомкнулась так плотно, что Юлия неверяще повела глазами: сплошная стена!

Похоже, они прошли через некую камеру, где Олег должен был успеть набрать секретный код до того, как они задохнутся. Или же до смертельного газа. Или еще чего-то такого же страшного, опасного, о чем как-то не думаешь, когда смотришь на этих длинноногих бабс с пистолетами на поясах шортиков.

Здесь холодно и сыро. Если далеко вверху жаркий июль, то здесь унылая осень, мрачная и тягостная. От стен длинного туннеля, куда они вышли, веет смертью, будто они оказались в могильном склепе.

Верх огромной трубы, как и стены, в мокрых пятнах. На бетонном полу кое-где мелкие лужицы, с потолка срываются тяжелые капли.

Через равные промежутки из стен идет слабый мертвенный свет. Стены вырублены в скальной породе, под ногами бетон. Присмотревшись, она заметила рельсы, утопленные настолько ровно, что здесь могут ходить как поезда, так и автомобили.

Олег двинулся впереди, его широкие плечи и могучая спина заслоняли от нее полмира. Юлия, оскорбленная таким равнодушием, догнала и попыталась пойти рядом. Он резко выставил руку:

– Стоп!.. Меня не обгонять. И вообще... лучше иди сзади.

– Даже если ты мусульманин... – начала она сердито.

Он оборвал:

– Когда будут неизвестные мне мины, пошлю вперед. А пока стой! Замри.

Остановившимися глазами она смотрела, как он упал на мокрый бетон, прополз по-пластунски метра два, поднялся и знаком велел ей сделать то же самое.

Она удивилась:

– Это ритуал?

– Да, – ответил он жестко. – Поклонение лазерному лучу, что перережет тебя пополам, если пройдешь в полный рост.

Она отшатнулась:

– Разве есть лазеры такой мощности?

– Ну тогда пулеметная очередь, – буркнул он. – Для тебя важна разница?

Юлия послушно легла, чувствуя мертвящую сырость этого подземного мира. Проползла эти два метра... даже три, представляя, как это выглядит отвратительно, когда гордая феминистка ползет, как черепаха, виляя поднятым задом под оценивающим взглядом этого... этого самца.

Поднялась, заранее ошетинилась, готовясь срезать за этот оценивающий взгляд, но Олег уже отвернулся, за что обиделась еще сильнее. Он двигался все быстрее, почти бежал, она крикнула вдогонку:

– Что за нами гонится?

– Время, – ответил он, не поворачиваясь.

– Такими шлюзами, – прокричала она, – можно отгородиться даже от времени... и пространства – тоже...

Она устала, запыхалась, проклинала себя, Олега, всю эту сумасшедшую жизнь, а он, как назло, удалился настолько, что исчез вовсе. Она припустила со всех ног, запарилась, по спине побежала тонкая гадкая струйка.

Олег... исчез. В страхе она приготовилась сесть и заплакать. Никогда еще не чувствовала себя такой слабой и беспомощной. Едва ли не впервые призналась себе, что этот жестокий мир – мужской мир...

...как вдруг послышался равномерный металлический стук. Из глубины туннеля вынырнула тележка. Стучали не колеса, а вся тележка трещала, звенела и готовилась рассыпаться под весом Олега. Он сидел по-турецки, темные провалы на месте глаз были устремлены в ее сторону.

Она торопливо поднялась, тележка, с виду тяжелая, прижалась к стене. Олег с силой потащил на себя длинный рычаг. Тележка заскрежетала, из-под колес красиво выплеснулись длинные искры, как из-под шлифовального камня.

– Садись, – пригласил он. – Дальше будет проще.

– Ты был дрезинщиком? – осведомилась она ядовито. – С чего бы такое умение...

Тележка ходила под ней ходуном, скрипела. Он выждал, пока она унаседилась, проследил, как ухватилась за металлические прутья, затем его пальцы отпустили рычаг. Под днищем загудело. Дрезина пошла в обратную сторону с нарастающей скоростью. Холодный плотный воздух превратился в мокрый и упругий встречный ветер. Лампы замелькали чаще, потом слились в блеклую линию.

Юлия невольно пригнулась: за спиной Олега ураган не выдирает волосы прядями, хотя стремится вывернуть веки и безобразно раздуть щеки. Колеса почти не постукивают, зато допотопный механизм скрипит и расшатывается все сильнее. Она старалась не представлять, что с ней будет, если... не если, а когда ее выбросит на полном ходу... а выбросит наверняка... уже скоро... прямо на бетонный пол... а если на повороте, то на стену, полную острых камней...

Ровная полоса света начала мерцать, разбилась на быстро мелькающие точки. Юлия успевала заметить толстые кабели в стенах, массивные агрегаты. Наконец пулеметная очередь из-под колес разбилась на мерное постукивание, тележка выкатилась на огромную станцию, так померещилось вначале.

Да, так выглядят, наверное, станции метро в последнюю неделю перед сдачей мэру города. Масса техники, правда, все машины молчат, свет почти везде выключен, из-за чего Юлии даже показалось, что она попала в подземный ангар для самолетов, настолько тот был огромен и пугающ: стены уходят в темноту, а едва выступающая из тьмы благодаря тусклой

лампочке над входом противоположная стена заканчивается не тупиком, как она втайне страшилась, а сразу тремя дверьми.

На тележке ехали, замедляя ход, до самого конца станции. Олег вытащил ее за руку. Лицо его было смертельно бледное под разводами грязи и неизвестно откуда взявшейся копоти.

– Понравилось кататься?

– Еще бы, – фыркнула она. – Теперь я понимаю, что имеют в виду, когда говорят о шикарных тачках!

– Я рад, что понравилось, – ответил он серьезно. – Тем более что сейчас предстоит менее приятная процедура.

Все три двери оказались массивнее дверей сейфов, с кодовыми замками, но все же двери, а не глухая стена. А где двери, там может быть и выход из этого страшного места!

Пока она со страхом представляла, как выглядит она, если Олег такое страшилище, его быстрые пальцы пробежали по клавишам в таком стремительном темпе, что она ни за какие деньги не смогла бы запомнить код, как бы ни старалась. Тем более что код не привычно шестизначный, а не меньше чем двадцати-, к тому же явно менял регистры и начертание шрифтов.

Дверь медленно начала открываться. Она открывалась и открывалась, а Юлия видела только, как появляется и никак не появится полностью немислимо толстый торец. Дверь оказалась не банковскосейфовой, а по меньшей мере противоатомнобомбной.

Блеснул свет. По ту сторону порога оказалось залитое светом помещение. Олег подтолкнул Юлию в спину, она шагнула вперед как замороженная. Дверь закрылась с мягким чмокающим звуком. Ей даже показалось, что из помещения тут же начали выкачивать воздух.

Она ошеломленно оглядывалась. Это был зал, где под потолком празднично сверкала многорожковая люстра, пол устлан мягкими коврами, а мебель тоже по-дворянски добротная, богатая, роскошная.

Посреди зала массивный широкий стол. Юлия тут же представила на нем расстеленную карту, над которой склонился вождь всех народов. Взгляд зацепился за массивный предмет на столе, ноги сделали пару шагов, сознание сделало тысячи примерок, пока в памяти не всплыло: чернильница! Мраморная или малахитовая, она не знает, что такое малахит, но где-то читала, что у вельмож на письменном столе находилась именно малахитовая чернильница. Даже у Пушкина, наверное, малахитовая.

– Это что? – спросила она потрясенно. – Когда это Зимний дворец перенесли под землю?

– Зимний в Питере, – буркнул он. – А это... Москва.

– Ну Кремлевский!

– Куда зачуханному Кремлевскому...

Он ходил вдоль стены, открывал и закрывал стенные шкафчики. Иногда Юлия видела, как отворял тяжелые сейфовые дверцы, но ничего не брал, бурчал что-то под нос и переходил дальше.

Наконец вытащил пачку шоколадных плиток. Она поймала на лету чуть ли не пастью, жадно сорвала обертку. Тонкие ломтики хрустели на зубах. В измученное тело с каждым проглоченным ломтиком ринулась молодая сила. Последний раз ела едва ли не в обед, домой неслась, мечтая восполнить сожженные в шейпинге калории, но теперь и курица в микроволновке, и кофе...

– Ты хоть кофе выключил? – спросила она.

– Я и не включал, – ответил он, и она ощутила странное тепло, что он сразу понял, о чем она подумала. – Я ждал твою хваленую курицу.

– Сожрут другие. Или засохнет, как мумия.

Шоколад, как она заметила сразу, не простой «солдатский», толщиной в палец и размером с крышку табуретки, а словно бы его сложили здесь в ожидании красивой женщины.

Олег оглянулся, спросил удивленно:

– Ты что, с оберткой жрешь?

Высокий, с выпуклой грудью, он в недоумении разводил широкими руками, приглашая ее полюбоваться на перевивающие их мышцы, на могучие косые мускулы, ровные квадратики живота. А пробитые словно пулеметной очередью шорты зияли столь откровенными дырами, что она молча фыркнула, наморщила носик и с трудом оторвала взгляд.

– Кстати, – сказал он благожелательно, – здесь есть ванная.

Она оглядела себя, поморщилась:

– Это было бы кстати, но... Это не то же самое, что принимать ванну посреди Большого театра?

– Не важно, – буркнул он. – С твоей фигурой – почему нет? Ты ванну обожаешь. Даже стерильно чистенькая лезешь под душ.

Запах, что шел от ее одежды, показался ей удушливым смрадом. В ванную захотелось до писка в желудке, но все же спросила подозрительно:

– Выйдя из ванной, я снова споткнусь о запейнтболенные трупы?

– До трех раз, – проворчал он, – до трех раз...

Она вскинула брови:

– До или включительно?

– До, – ответил он. Оглянулся. – Ты еще здесь?

Она не стала спрашивать, где ванная, хотя здесь ее отыскать явно труднее, чем в апартаментах «Националя», пошла наугад, и – слава женской логике! – почти сразу наткнулась на красивые двери из незнакомого материала. Толкнула, не поддались, потянула на себя – дверь с готовностью открылась.

Хорошо, что она вовремя задержала дыхание. Вопль остался внутри, колотился, как эхо, о ее ребра. Огромная ванная, роскошная, отделанная так тщательно и со вкусом, словно над ней потрудились лучшие дизайнеры... сейчас в пятнах плесени, везде желтая пыль, словно здесь работали шахтеры!

Кран поддался с огромным трудом. Она уже собиралась прекратить борьбу, но вода все-таки полилась, темно-коричневая, дурно пахнущая, словно злорадно ждала этого момента в трубах сотни лет. Стена настолько серая, что Юлия сперва решила, что из матового стекла, но, когда провела пальцем, под толстым слоем пыли обнаружилось огромное, как в зале для тренажа балерин, зеркало.

Пока вода сбегала, постепенно превращаясь из коричневой в желтую, а затем в почти чистую, Юлия поспешно вычистила поверхность зеркала. Сейчас там отразилась женщина с нахмуренными тонкими бровями и решительным лицом, запачканным, с комочками копоты на ресницах, но лицо умной, решительной женщины, в меру загорелое, косметики чуть-чуть, не зря же татуаж подновляет каждые полгода, глаза обрамлены натурально длинными ресницами, густыми, чуть загнутыми на концах. Рыжие волосы красиво падают на лоб, почти до бровей, тонких и изящно приподнятых на концах.

Едва ли не впервые с момента взрослости она засомневалась: достаточно ли хороша? Нет, что хороша – это известно, все male-pigs выпадают в осадок, когда она в шортиках выходит к киоску купить кока-колы, но хороша ли, чтобы и этот шпион... или кто он на самом деле, пошел за ней, как гусь к водопою?

Хотя этот рыжеволосый не говорит, из каких он структур, что понятно, но, как ей с холодком чудится, он не совсем из НКВД... или ФСБ. Может быть, даже из ЦРУ, Моссад или какого-нибудь Сюрте. Она не помнила, что такое Сюрте, но слышала, что такая существует и что она даже круче, чем рекламное ЦРУ. Правда, непонятно, что это у них за игры такие с пейнтболом, но наверняка скоро все расскажет, надо только уметь подластиться.

Оглянулась на дверь, по ту сторону тихо. Почему-то показалось безразличным, из какой он организации. В конце концов, мир стремительно сближается. Благодаря Интернету люди чувствуют себя в одной квартире, знакомятся и женятся через континенты, а вот вскоре на всей планете воцарится один язык, одна культура... Понятно, какой язык и какая культура, но об этом говорить неприлично, как будто признаваться в чем-то постыдном, а вот так – «один язык, одна культура» – звучит и возвышенно, и со всех сторон правильно. Так что если он из других организаций, то это как раз он ускоряет слияние отдельных народов в единое человечество. Надо перестать смотреть с точки зрения человека замкнутого племени, когда всякий чужой – враг...

Да ладно, она не единственный человек в России, кто мечтает о добротной оккупационной армии. Сейчас две трети населения настолько ненавидят изворовавшееся правительство, что приняли бы вступление войск НАТО аплодисментами!

Вода уже бежала тонкой чистой струйкой. Правда, только холодная, но после этого жаркого бега кожа впитывает влагу, как бедуин после перехода через Сахару. В широких углублениях на краю ванны отыскивались пакеты с мылом, каким-то странным, непривычным, в грубой некрасивой обертке.

Юлия медленно намыливалась, вспоминала суровое и постоянно напряженное лицо этого Олега. Да и какой он враг? Для женщин врагов нет. Для них враги – только более красивые женщины, а мужчины... это существа, из которых одним можно позволить заронить в себя семя, а других нельзя подпускать и на пушечный выстрел.

Глава 7

Когда Юлия скрылась за дверью ванной, Олег торопливо задрал рубашку. Из правого бока намечается выпуклость, словно изнутри к поверхности поднимается мяч для тенниса. Но вдобавок разбухает, наливается как горячим свинцом. Если бы не приступы боли, можно бы и не обращать внимания, но это если бы...

Он вошел в Интернет и шарил по нудным сайтам, меняя пароли, когда Юлия вышла из ванной сияющая и благоухающая. Стремясь смыть дурные запахи, она вылила в воду, а затем и на себя, содержимое всех флакончиков, что отыскала. Олег уже был в рубашке и брюках, довольно мешковатых, сразу скрывших все великолепие его фигуры. На этот раз он показался ей играющим тренером сборной по хоккею. Она присела рядом, счастливая, что смыла пот и грязь, вытравила дурные запахи. А ее кожа, она знала, пахнет волнующе и нежно.

– Что это за место?

– Бункер, – буркнул он.

– Что?

– Бункер. На случай ядерной войны.

Она огляделась, брови поползли вверх.

– Так вот, значит, почему такая смесь милитаризма с роскошью... Генералы собирались отсиживаться, пока мы там наверху будемдохнуть от радиации?

Он искоса взглянул на нее. По губам пробежала едва заметная усмешка.

– Это старый бункер. Тебя тогда на свете не было.

– Да? Значит, уже не прячутся?

– Прячутся. Только те бункера поглубже. И снабжены получше.

Она огляделась, теперь понятно, почему здесь ни одного предмета моложе ее самой. А допотопные чернильницы так и вовсе чуть ли не со сталинских времен. Или ленинских. Только тогда вроде бы атомных бомб не было...

– Сюда не заглянут?

Он успокаивающе качнул головой:

– Не трусь. Отсюда уже выгребли все, что могли. Ну, продукты перевезли в новый, для слуг и денщиков... А мебель, понятно, оставили. Со времен позднего Сталина... а строить начали еще тогда, мода на многое изменилась. Этот бункер предназначался для Хрущева с его окружением, там еще один рядом – для Генерального штаба, но тот заброшен тоже... Заглядывают и регулярно меняют продукты только в новейших, их начали при Брежневе, а закончили всего пять лет тому.

Она удивленно вертела головой:

– И это все богатство... брошено? Или сюда пустят пережить ядерную зиму каких-нибудь инженеров? Ученых?

Он покачал головой. Лицо было угрюмым.

– Нет. Для сохранения секретности сюда не попадет ни один из... простых, скажем так. Это все просто брошено.

Похоже, подумала она с тайным удовлетворением, ее герой не последний в их организации. Уж точно не сержант! Где-то читала в газетах, что элитные части вообще сплошь из офицеров. От них требуется не только умение стрелять и бесшумно давить, как они говорят, объемы, но и некоторый интеллект, а то даже знание языка и обычаев страны, куда посылают...

А этот же, судя по его свободе, вообще не ниже полковника, если у них есть полковники. За все время никому ничего не доложил, не отчитался, не попросил инструкций... Как будто его нацелили на дело настолько грязное, что руководство вообще делает вид, что нет ни такого дела, ни такого агента и что вся страна хором поет рождественские гимны!

Уже без прежней подавленности прошлась вдоль стен. Теперь больше бросалось в глаза, что потолок полусферой, металлический, составлен из широких колец. Собственно, они из толстой трубы туннеля попали в действительно толстую, огромную, исполинскую!

Олег все еще за компом, пальцы настукивают команды, лицо сосредоточенное, брови сдвинуты к переносице. Юлия вернулась, присела на край стола. Зеленые глаза зыркнули в ее сторону с неудовольствием, но взгляд смягчился, как она заметила с тайным удовлетворением, когда с ее тугих ягодиц медленно поднялся на тонкую талию, жировых складок на боках почти нет, прошелся по спине выше, она отчетливо чувствовала его прикосновение, перешел на бок, затем ощутила горячее прикосновение на груди, там сразу потяжелело, налилось, а кончики затвердели и прожигают блузку, которую натянула на голое тело мокрой.

Наконец их взгляды встретились. Она видела в зеленых глазах искорки, которых не замечала раньше.

– Олег, – проговорила она тихо, кровь прилила к ее щекам, она все еще чувствовала его взгляд, который держал в поле зрения не только ее лицо. – Олег... Раз уж так получилось, что я попала в ваши шпионские игры... Тебе не кажется, что мне можно рассказать несколько больше?

Он поморщился:

– Разве не слышала о правиле шпионов – знать только то, что положено? Не больше. Чтоб не проговориться. К примеру, под пытками.

Она побледнела. Кровь отлила не только от щек, даже тугая грудь несколько обвисла. Юлия поспешно сменила позу, голос сам по себе стал лстивым и перепуганным:

– Но хоть что-то... Я не была бы женщиной, если бы не пыталась узнать больше! Как говорят французы...

Олег скупно усмехнулся:

– Ты мой красивый дикаренок. Французы, англичане, малайцы... Старое медленно уходит из обихода... Куда ни глянь, везде проглядывают древние времена и стены каменных пещер. Уже нет никакой Франции, Англии, России и прочих варварских королевств! Да, для большинства населения они вроде бы еще есть, вчера где-то писали о свадьбе не то короля, не то принца... но это лишь старая обертка... На самом же деле миром правят не короли или президенты стран, а совсем-совсем другие люди. Я говорю о международных банках, транснациональных компаниях, международных трестах и прочем-прочем, что не так заметно, как заметны поп-звезды, опереточные короли или карликовые армии. Увы, мир стремительно движется к единству! Но в этом единстве невидимая миру борьба. Мир еще не объединился, а его уже пытаются разъединить по новым принципам. Каким? Да самым разным. Кто-то придумывает новую религию, кто-то создает общества для того, чтобы вернуть Африку его законным обитателям – пингвинам... Ты когда-нибудь слышала про масонские ложи?

– Еще бы! – воскликнула она. – Даже читала!.. Пушкин был масоном!.. Грибоедов... или Чернышевский – не помню. Это такое тайное, красивое, богатое, таинственное, вроде Зорро и Гарун аль-Рашида под масками... Шпаги, кинжалы, бриллианты, золотые серьги, дорогие духи...

Он вздохнул:

– Да, все точно. Так вот, масонские ложи действуют и сейчас. Ага, знаешь. Кроме масонских, есть еще рыцарские ордена. Самые известные – это рыцари Мальтийского ордена и иезуиты с их противоположными уставами. Первые – на полной свободе воли, вторые – на слепом подчинении Главному. Но, как ты уже догадываешься, есть рыцари и третьего ордена...

Она о таком не догадывалась, но если он считает ее такой умной, то почему бы не кивнуть и не посмотреть строго и внимательно, с некоторым нетерпением в ее красивых глазах: это все понятно, переходи к главному.

– Устав нашей организации прост, – сказал он. – Все для блага человека, все во имя человека. Правда, здесь есть толкования...

– Какие?

– Одни толкуют «человека» как индивидуальное существо, другие – как биологический вид. Из-за этого возникают некоторые трения...

– Некоторые, – уточнила она, – это когда автоматная очередь в лоб? То, что ты называешь пейнтболом?

– Ну, не всегда так резко...

– Не вешай мне лапшу на уши, – посоветовала она. – Я уже надрожалась! После всех этих труб и дрезин ваш пейнтбол, когда мозги летят на стенку, – для меня вчерашнее кино.

Олег запнулся на мгновение, но продолжал тем же невозмутимым тоном:

– Но все сходятся в том, что ресурсы планеты Земля принадлежат всему человечеству, а не только тем народам, которые оказались на месте их залегания. Так что местному населению, к примеру, неча загребать больше, чем могут слопать. В то же время образованию за океаном поумерить бы аппетиты, а то жрут больше половины всех потребляемых ресурсов. Ну, все также согласны, что надо резко поднять уровень здоровья всех людей, так как генофонд загрязнен... Еще не спишь?.. Это значит вспомнить о евгенике, почистить уже существующие лечебницы по идиотам...

Он внезапно оборвал речь, словно сболтнул лишнее, она в самом деле насторожилась, у нее вырвалось:

– Так это же фашизм...

– У тебя на все есть ярлык, – ответил он. Швырнул карандаш на стол, поднялся, потянулся. Зеленые глаза оглядели ее оценивающе. – Да, посвежела. Ползание по трубам поднимает тонус, как вижу.

Она вспыхнула:

– Да иди ты...

– В ванную, – закончил он. – Там хоть мыло есть?

– Какое-то собачье. Шампуней нет.

– Их тогда не существовало, – объяснил он наставительно. – Разве я не сказал, когда это все готовилось?

Но отправился не в ванную, а снова порылся в просторных ящиках. С изумлением она узнала в них допотопные холодильники. На стол полетели массивные банки. Яркие этикетки объясняли, где курица с горошком, где ветчина, где телятина. Красная и черная икра в таких же трехкилограммовых банках.

– А где консервный ключ? – спросила она.

– Ты что, – удивился он, – собралась есть на ночь? Ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Полагаю, – огрызнулась она, – уже утро. А утром я всегда ем!

В его руке появился длинный нож устрашающего вида. Она вздрогнула, лезвие с легким стуком вошло в банку чуть ли не по рукоять. Тремя молниеносными движениями он вскрыл, криво и с рваными краями, но запах оттуда вырвался на волю одуряющий. Она сразу вспомнила, что после занятий шейпингом маковой росинки во рту не было, а курица в микроволновке... похоже... совсем изжарилась.

– А тарелки здесь есть? – спросила она на всякий случай.

– Есть, – ответил он.

Но Юлия уже поддела на кончик ножа ломоть ветчины, жадно впилась зубами. Сладкий сок сразу потек в горло, она даже застонала от наслаждения. Олег ел отвратительно степенно, сдержанно, еще чуть, и вовсе мизинчик оттопырит, а Юлия махнула рукой на все манеры, на пикниках и то держалась раскованно, а здесь далеко не пикник.

– У тебя хороший аппетит, – заметил он. – Жрешь, как голодный крокодил.

Она мычала от удовольствия:

– Какие мы дикари... Какие дикари! С ума сойти. А сладкое здесь есть?

– Все есть, – сообщил он. – Даже шампанское, хотя здесь это совсем дикость.

– Дикость? – удивилась она. – Это ж цивилизация! Это культура. Где ты видишь шампанское?

Олег молча раскрыл дверки неприметного шкафа. Чутье подсказало Юлии, что этот рыжеволосый из тех, кто в состоянии назвать по именам все звезды на ясном небе, но не сумеет красиво откупорить игристое вино.

– Дай-ка я! – сказала она повелительно.

Он послушно протянул тяжелую бутылку. Юлия умело сняла проволочную сетку, потащила затычку, но та, настоящая, из пробки, заупрямилась. Юлия взболтнула, покрутила, пробка пошла вверх. Юлия не стала ее придерживать, пробка бабахнула на другую сторону комнаты.

Праздничная пена полезла с таким напором, словно последней оставшейся капле грозило немедленно превратиться в уксус. Юлия поспешно наполнила фужеры. Оранжевая жидкость плеснула на стол, залила скатерть.

Олег сказал иронически:

– Тебе в самом деле кажется, что далеко ушла от тех диких времен?

– Конечно!

– Но шампанское, – заметил он, – можно откупорить и не разливая... Однако так делали тысячи и тысячи лет наши лохматые предки. Ну, не с шампанским, правда. Всегда сперва богам, а потом себе в чашу. А на тарелках оставляли еду. Для домовых, умерших родителей... Гм, компьютеры и суеверия...

Голос его был замедленный, успокаивающий, а в глазах появилось задумчивое выражение. Он что-то вспоминал, прикидывал, сравнивал. Бокал медленно поднялся на уровень глаз. Шампанское играло, искрилось, брызгало крохотными фонтанчиками. На кончике его носа заблестели крохотные бусинки. Юлия засмеялась. Она помнила, что глоток шампанского всегда окрашивает ей щеки здоровым румянцем, а глаза начинают блестеть красиво и загадочно.

Она коснулась губами края бокала. На оранжевой поверхности все еще подпрыгивали крохотные, как во время дождя, фонтанчики. Сразу ощутила, как губы наливаются горячей кровью, разбухают, даже красиво изгибаются без всякого татуажа. А с татуажем так и вовсе неотразимы...

Она посмотрела в зеленые глаза, Олег поцеловал ее твердыми губами. От него пахло шампанским и почему-то соленым морем. В голове приятно шумело. Она не чувствовала опьянения, но сделала вид, что захмелела. С расслабленной улыбкой сбросила блузку, сделала вдох и повернулась чуть боком, чтобы он лучше оценил безукоризненную линию ее груди.

Не отрывая от нее взгляда, он протянул руки. Странно, успела подумать Юлия. От него пахнет крепкой мужской кожей, свежестью, словно не полз по трубам, не падал на тюки грязной одежды. Вообще грязь и пыль с его кожи словно... словно смыло.

Жар, которого она уже давно не ощущала от прикосновения мужского тела, прокатился по коже, ушел вглубь, кровь вспыхнула...

Глава 8

Она помнила свой вскрик, все нервы воспламенились. Потом, когда прошла вечность, она смутно ощутила свое тело на широком диване. То, что осталось от тела. Каждая клеточка горела в диком огне, таком восторге, о котором она даже и не подозревала раньше.

В поле зрения появилось крупное лицо с запавшими зелеными глазами. Похожие на лесной омут, они сдержанно улыбались. На верхней губе темнела корочка засохшей крови. Сейчас твердые губы раздвинулись, изображая улыбку, от этого движения выступила алая капелька.

– Как красиво!.. Эти слезы... просто жемчужины.

– Прости, – шепнула она, улыбаясь. – Я не знала, что можно вот так... От меня один пепел, да?

– Головешка, – ответил он. – Но еще в состоянии загореться.

Она взмолилась:

– Ой, не надо! Смешно, но, боюсь, второго раза не переживу. Или хуже того...

Она испуганно оборвала фразу.

– Что? – спросил он. – Что тебя пугает?

– Что все испортим, – прошептала она. – Так не бывает. То, что случилось... может случиться раз в миллион лет. Я не верю во второй шанс.

Он лег рядом, она затрепетала от его близости. Жар его тела снова коснулся ее кожи, растекся, просочился вовнутрь, и снова в каждой клеточке воспламенилось, погнало горячие волны по спинному хребту.

Она закрыла глаза, отдаваясь сладостному чувству. Этот мужчина сильнее. Как хорошо это признать, как сладко и защищенно в его руках!

Когда огненный шар прокатился по спине и ударил в мозг, у нее вырвался крик, за который она убила бы себя раньше. Все тело стало размером с галактику, а сейчас звезды и туманности полыхали жарким огнем, все пространство горело в наслаждении. Она чувствовала его руки, его губы, потом он что-то прошептал ей прямо в ухо, это было очень эротично и вместе с тем успокаивающе, словно он губами пощекотал перед сном ребенка.

Она улыбалась, летала с птицами, а когда распахнула удивленно глаза, рыжеволосый герой сидел за столом, перед ним целый ворох бумаг, он разглядывает их пристально и сердито. На лбу морщинка стала глубже, а складки у губ отвердели и вздулись твердыми валиками.

Диван под ней скрипнул. Олег тут же обернулся, в зеленых глазах отражались искорки от люстры.

– Проголодалась?

– Я... – пролепетала она. – Я... спала?

– Да пустяки, – сказал он великодушно. – Всего-то часиков шесть-семь. Ерунда.

Она вскочила, как подброшенная пружинами:

– Вот так?... Голая?

– У тебя хорошая фигура, – заметил он равнодушно. – Не такая уж и толстая... И почти не храпела. А что рожа перекосилась, так кто видит? Я, к примеру, не обращал внимания даже на слюни, что промочили всю подушку.

Она кинулась на него с кулаками. Сильные руки перехватили, она со всхлипом ударилась о широкую горячую грудь, с огромным трудом преодолела желание прижаться, спрятаться там внутри, уперлась кулачками, кое-как отстранилась.

– Над чем ломаешь голову?

– Удалось разыскать карты.

– Этих туннелей?

– Это не туннели, а «Метро-2». Оно намного ниже первого, явного. Зато из этого тайного можно проникнуть как в обычную сеть метро... практически в любом месте, так и в любое здание. По крайней мере в пределах Садового кольца – в любое, а за пределами – в любое старое.

– А новое? – спросила она невольно.

– И в любое новое, – сказал он так же буднично. Зевнул, потер усталые глаза. – Только в новые правительственного ранга, банковские или дома элитные проще простого, это предусматривалось сразу, а в дома обычные... чуть труднее.

Она сказала пораженно:

– И что же... Никто из москвичей даже не подозревает, что существует не одна линия метро, а две?

Он слабо усмехнулся:

– Почему две?

Она вскинула брови:

– А что, есть еще?

– Конечно. Самая ранняя сеть подземелий – это система подземных ходов. Их начал еще Иван Калита. А при Иване Грозном так вообще стало что-то вроде метро! Правда, пешеходного. Не только тайные выходы для доносчиков, лазутчиков, но и сам царь хаживал подземными ходами за пределы города. Можно тайно перебросить отряды, брать воду из тайных источников, там у него были самые разные хранилища... Да что там Иван Грозный! Еще больше тайных складов у монастырей, что служили одновременно и крепостями. Не все вырубались для этих целей, чаще – приспособляли опустевшие каменоломни...

– Я слышала о библиотеке Ивана Грозного! – воскликнула она.

Он вяло отмахнулся:

– Это здесь, поблизости. Я все хотел перетащить ближе к поверхности, чтобы наконец нашли. Увы!.. Сразу хлынут толпы прекрасодушных идиотов. Искать Александрийскую библиотеку, например. Или сокровища атлантов. Нашли же руины Гиперборейского царства за Полярным кругом...

Юлия воскликнула:

– Но как же!.. Да как ты можешь!.. Да это же неоценимое сокровище!

– Бред, – буркнул он. – С полсотни книг с устаревшими медицинскими рецептами, книга по ворожбе, различные методы допроса, несколько томов с описанием, как шить хомуты, делать оглобли, гнать деготь, ловить диких коней в окрестностях Московии, изготавливать батоги для заплочных дел мастеров и простые кнуты для пастухов... А также подробное описание, как ловить птиц Сирин, Гамаюн, Алконост...

Он зевнул, потер усталые глаза. С раскаянием она вспомнила, что ему досталось больше, чем ей.

– Ладно, – сказала она, – убери лапы. Перекусить ничего не осталось?

– Все, что душа пожелает. Это плата за риск, как понимаешь...

Одеваясь, она бурчала:

– Из-за чего риск, ума не приложу... Я понимаю, когда бьются из-за женщин, денег, власти!.. Весь мир из-за этого расшибает лбы. Правда, из-за женщин уже не стучат рогами, романтика ушла с рыцарями, но зато из-за денег и власти сколько преступлений!

Он встал из-за стола, пошатнулся, тут же рухнул на диван во весь рост, потянулся до хруста суставов.

– Тем более, – сказал он с зевком, – у кого деньги и власть, у того и современные женщины!

Она огрызнулась:

– Как будто так было не всегда!

Он покачал головой:

– Ты же сама сказала, были и романтические времена. А что сейчас такая странная война... В мире как раз острый недостаток идей, а не денег или власти! Раньше был один фараон, остальные – рабы, а сейчас много вершин: финансовых, спортивных, поп-звездных... Есть такое слово?... Когда можно огрести кучу денег, а с ними и власть. Так что власть есть... но нет людей, способных создать нечто новое, захватившее умы и сердца, подобно христианству или исламу...

Она фыркнула:

– Это в самом деле так трудно? А где все эти академики, доктора наук? Если даже сын плотника смог...

Он слабо удивился:

– Какой это сын плотника?... О ком ты?... А, совсем голова не работает, прости. Ночь была нелегкой... да и день не легче. Дети, как же вы все понимаете буквально!

Она вскинула брови:

– А что не так?

– Сын плотника, – пробормотал он. – Рационалисты!.. Если плотник, то, выходит, дерево тесал?

– Ну не камень же, – оскорбилась она. – Тех называют дикарщиками, я знаю!

У него был такой вид, что вот-вот скажет: «Как сейчас помню, не был ни плотником, ни сыном плотника», но лишь потянулся еще слаще, зевнул с завыванием. Пробормотал совсем сонным голосом:

– Даже сейчас говорят про одних, что неотесанные, а про иных – пообтесались, мол. Или их пообтесал кто-то. А кому-то хоть кол на голове теши... На Востоке Творца обычно называли гончаром. И человека вылепил из глины, и весь мир. Гончар – первый из творцов. Каменщик – это уже ступень повыше, он из обожженной глины строит тюрьмы и храмы, а также – новые общества. Их до сих пор зовут масонами... Ну а плотник – это ступенька еще выше. Не хочешь думать о чем-то очень высоком, тогда... ну, если очень приземленно, то что-то на уровне полковника иезуитов, епископа христиан, тайного советника Третьего отделения, доктора наук по философии... гм, трудно подобрать точное соответствие, но, во всяком случае, отец Иисуса... ха-ха!.. никогда не строгал доски рубанком. Если бы ему сунуть в руки рубанок, уронил бы на ноги.

– Но как же... Все легенды, предания, тексты Евангелия...

Он вяло отмахнулся:

– Мир был поэтичнее. Все пушки прошлых веков в единорогах, орлах... А какие барельефы, где бьются римляне со скифами, заглядение!.. В учебниках географии на рисунках толстенные такие ветры дуют с небес, гоняя тучи... Народ понимал мир не так грубо, как сейчас. Везде была разлита поэзия, двусмысленность... Черт, нет даже слов, чтобы объяснить. В каждой строке Корана семь смыслов, но так было почти в каждом древнем рассказе... Но нет такого слова, как «семисмысленность». И когда все понимается буквально, мне просто неловко за таких идиотов... Правда, такая же участь ожидает через пару тысяч лет современные анекдоты, построенные на игре слов, на иносказании, намеках...

Он зевнул снова, веки медленно смыкались.

– Кол на головах тесал, – пробормотал он. – Плотник... Мудрецы...

Он заснул на полуслове. Она села рядом, провела кончиками пальцев по его груди. Широкие пластины мускулов вздымались медленно, неспешно, раздвигались, затем с такой же астрономической неторопливостью слегка опускались. Лицо расслабилось, суровость ушла, губы перестали казаться каменными. Длинные рыжие ресницы оказались с по-девичьи загнутыми кончиками.

Она вздохнула, положила голову ему на плечо. Он не проснулся, но его рука сонно нащупала ее тело, подгрребла, как щенка, ближе. Юлия забросила на его живот ногу, затихла, чувствуя себя уютно и защищенно. Спать не хотелось, но лежать было так сладко, что лежала как в теплом гнездышке.

Олег проснулся через полчаса, мгновенно охватывая всеми пробудившимися чувствами мир, в котором находился, свое измотанное тело, а также женскую голову с волнистыми кудрями на своей груди и тонкую руку, обхватившую его за шею. Юлия дышала легко и ровно, ее губы покраснели от прилива крови, на щеке играл здоровый румянец. Но за шею она держалась как за спасательный круг.

Валун в правом боку за ночь разросся, ощутимо давил на внутренние органы. Едва Олег шелохнулся, тупая боль переросла в острую, он чувствовал, как там заработали тупые пилы. Только бы не приступ, подумал тоскливо. Не то страшное ощущение тяжести и слабости, когда в глазах темнеет, а ноги подкашиваются и он готов упасть в любом месте...

Пальцы на ее плече дрогнули, она ощутила, как от ладони пошел странный жар. Над головой прогудел сильный голос:

– Это кто здесь гнездо свил?

– Я, – пояснила она, уже зная, что не у всех шпионов с юмором в порядке, этому надо отвечать как по писаному. – А что? Если здесь будем сидеть до ядерной войны...

– А когда начнется зима, сразу выйдем? – спросил он. – Хорошая логика. Брысь с меня! Надо поискать, как пробраться к одному человеку...

Он сел за стол, Юлия, как быстрая лисичка, тут же оказалась рядом, сказала пугливо:

– Только не говори, что пойдем к тому, который прислал за тобой этих!

– Почему?

– Тебе мало?

Он пожал плечами:

– Если не хочешь прыгать через балкон...

– Не хочу!

– Тогда не будем, – снова согласился он. – А в остальном все то же самое. Жена... или кто там у него, уходит в ванную, а я захожу в его комнату. Посмотрим, так ли он меня встретит.

Она вспомнила свою брошенную квартиру, трупы, черный столб дыма, если он все-таки поставил кофе на огонь, представила, как сейчас там все заливают водой, по-слоновьи крушат остатки мебели, на которую она откладывала два года.

Сказала неожиданно для себя:

– А где ты оставишь меня?.. Впрочем, я в любом случае пойду с тобой.

Он не подпрыгнул, на что втайне надеялась, – неужели у него всегда были такие же отважные и верные спутницы? – только пожал плечами:

– Не будешь падать в обморок на каждом шагу?

– Ты плохо знаешь женщин.

– Плохо, – согласился он.

– Это хорошо, – сказала она неожиданно.

Их взгляды встретились, скупая улыбка тронула его губы.

– А ты знаешь, как придется к нему идти?

Она слушала его обомлев. Привыкшая ездить в метро, знающая все станции, она, оказывается, и не подозревала, что тайное метро, которое глубже обычного, по размерам не меньше явного и что вообще под Москвой настоящий подземный город. Ветки метро протянуты как к правительственным особнякам за чертой города, так и к их дачам, к Шереметьеву, Внукову, даже к аэродромам, которые вообще засекречены и вроде бы не существуют вовсе. Но даже в

привычном для всех Шереметьеве есть секретные полосы, откуда можно выйти из-под земли прямо к самолету.

Да, она слышала, что такая вот секретная линия метро вела на дачу Сталина в Кунцеве, но когда Сталин умер, то линию рассекретили, пустили по ней обычные поезда. Потому и работают так нелепо две параллельные линии, изумляя всех новичков. Но чтобы таких веток были десятки!.. Чтобы под землей ходили тайно поезда, подвозили людей к тайным бункерам, складам, прямо к эстакадам, к Окружной дороге, чтобы существовали тайные выходы в лесных массивах Сокольников, Битцевского парка, возле узловых точек главной кольцевой дороги!

Глава 9

Клавиши мягко щелкали, на экране появлялись мутные черно-белые картинки, мертвые, статичные, словно снятые скрытой камерой. Юлия некоторое время следила за экраном, спросила нерешительно:

– А что... компы тогда были? Или какие-нибудь секретные разработки?

Ей показалось, что он заколебался, не соврать ли, но улыбнулся и ответил честно:

– Какие, к черту... Это все я натащил.

– Компьютер?

– И комп, и периферию. И кое-что еще.

Он двигал курсором по крохотным пиктограммам, на экране появлялись циклопические сооружения, мрачные туннели, заброшенные штреки, огромные вентиляционные трубы... На одном изображении мелькнуло что-то живое. Пальцы Олега тут же отстучали дробь команд, курсор прыгнул на картинку с лупой.

Изображение начало расти, одновременно шорохи складывались в связную речь. Очень смутно, как сквозь густой дым, виднелисьдвигающиеся силуэты. Звучала речь, а когда Олег усилил громкость, Юлия услышала разговор трех или четырех человек. Говорили, к ее удивлению, на чужом языке. Она беспомощно подняла взгляд на Олега:

– Английский знаю, французский или немецкий отличу... Это кто?

Лицо Олега медленно серело. За ночь он исхудал еще больше, глаза ввалились, скулы натянули кожу до болезненного блеска. Сейчас тревога в глазах росла, Юлии показалось даже, что на руках поднимаются мелкие рыжие волосы, а по коже вздуваются пупырышки.

– Латышские стрелки, – ответил он сдавленным голосом. – Неужто снова, как и девяносто лет назад...

– О чем они говорят?

– Да все о том же, все о том же...

– О чем? – настаивала она.

Он дернул щекой:

– О бабах, пьянке, наркотиках... и о том, как надерут этим тупым русским свиньям задницы. Погоди, я поищу более понятное...

На экране сменилось несколько картинок. Олегу, судя по всему, удалось подобрать фильтр, изображение стало четким, насыщенным, хотя оставалось черно-белым. На этот раз пошли помещения, где люди в пятнистых комбинезонах либо чистили оружие, либо обедали, кое-где шли учебные схватки, в одном месте мылись, и Олег быстро пролистнул изображение дальше, словно она никогда в жизни не видела голых мужчин и теперь от стыда бросится в ближайшую трубу вниз головой с криком: «Я не могу жить обесчещенной!»

В одном суровом помещении, явно казарме, командос, так она назвала для себя этих людей, забивали «козла». За их спинами толпились зеваки, ожидающие очереди, здесь явно играли «на высадку». За соседним столом несколько человек играли в карты. Судя по раскладке, шла бескомпромиссная игра во что-то посложнее «двадцать одного». Хотя знаков различия нет, но даже ей видно по их посадке, по авторитарности движений, по уверенным головам, что это кадровые офицеры...

– Три карты, – произнес один на английском, в котором не было и следа чужого акцента.

– Я ставлю сто долларов, – ответил второй тоже на английском.

Третий сказал «пас», и снова Юлия не уловила и намека на русский акцент. Четвертый подумал, сказал решительно:

– Удваиваю!

– Ого, – проговорил первый, – если ты будешь таким же решительным, когда выберемся отсюда, то...

– То что? – спросил четвертый подозрительно. – Договаривай! Меня уже достали твои полунамеки и оборванные фразы.

– Я сказал, что сказал...

– Ты не то сказал!

Второй, явно постарше других, хлопнул ладонью по столу:

– Тихо, парни!.. На нас смотрит вся эта гниль, держитесь. Я знаю, все мы звереем от ожидания, но я скажу точно: на этой неделе все решится. Осталось немного.

Юлия слышала, как оборвалось дыхание Олега. Глаза сузились, он ловил каждое слово, сказанное в далеком... или, что страшнее, недалеко бункере. На экране было видно, как игроки положили карты на стол, кверху рубашками, все смотрели на старшего. Первый спросил жадно:

– Откуда известно?

– Прямого приказа не было, – улыбнулся старший, – но кто прослужил столько, сколько я, поймет, почему вдруг подали новые цистерны с дизельным топливом, почему перестало в запасники поступать свежее мясо, зато вчера опустился грузовой лифт с сухим рационом на двое суток...

Олег увеличил изображение до предела, Юлия видела просиявшие лица игроков, один вскинул кверху кулак, показывая, как он засадит этим русским свиньям.

Она оглянулась на суровое лицо Олега:

– Олег? Что это за люди?.. Почему здесь американцы, латыши?.. Это же регулярные части! Верно? Регулярные?

Он покачал головой:

– Малышка, ты не представляешь, какими могут быть частные армии. Но даже частные надо кормить, снабжать оружием... а здесь только элитное оружие, как и люди все на подбор, на подбор... Не представляю, кто все это затеял! И зачем? С какой целью? Ладно, собирайся... Надо идти.

Голос его посуровел, лицо стало каменным. Зеленые глаза смотрели мимо экрана. Она видела, как он весь переменялся за эти полчаса. До этого явно считал, что все подземелье, все тайное метро в его полном распоряжении и что здесь ни души. А если сюда спустится одинокий обходчик из секретных структур, то легко засечет его этими следящими приборами и обойдет стороной. Но подземелье кишит войсками... которых вообще не может быть! Это что, миротворцы? Особые части ООН, когда все страны выделяют элитные войска для особо важных операций? Но если такое случается, то газеты задолго до начала начинают захлебываться от восторга, освещают в прессе каждый шаг, с умилением показывают, кто как пукнет, а здесь... страшная тишина!

Олег предоставил ей складывать в рюкзачок плитки шоколада, консервы и аптечку, сам все еще колдовал с компьютером и следящими устройствами. Юлия напряглась, когда он внезапно исчез, но минут через десять послышался равномерный стук, приблизился, из темноты туннеля вынырнула крохотная платформа.

– Опять?

– Нам вагоны пока не поданы, – буркнул он.

– Жаль, – сказала она.

– Лопай, что дают, – ответил он. – Хотя, если не нравится, можешь бежать следом. Бег трусцой полезен.

Она покосилась с недоверием, неужели это он сострил? Нет, наверняка сказанул вполне серьезно. Станные люди эти интернациональные шпионы... Есть, оказывается, и такие. Непрошибаемые.

Мотор зарычал негромко, а когда Олег тронул рычаг, тележка покатила в темноту с нарастающей скоростью.

От стен тянуло привычным уже могильным холодом. Сверху равномерно срывались тяжелые, как гранаты, капли ледяной воды. Их несло в темноте недолго, вскоре пошли мелькать пятна света. Олег ускорил бег тележки, минут через пять уже ломились через плотную стену воздуха, словно летели на самолете. Юлия пряталась за Олегом, как за выступом бетонной глыбы. Тележка мерно постукивала на стыках, Юлия терпела долго, наконец прошипела:

– Да сколько же это будет тянуться? Мы так до Владивостока доберемся!

Ветер срывал с губ слова и уносил, но Олег слышал, утешил мирно:

– Уже скоро. С полчаса, не больше...

– Я слышала, что Сталин велел прокопать туннель на Сахалин!

– Из Лондона в Бомбей тоже копали...

Туннель дважды легонько поворачивал, Юлия чувствовала, как ее отжимает в сторону. Колеса начали постукивать реже, появилась надежда, что вот-вот остановятся, но Олег добавил скорости, мелькающие на стенах пятна света слились в сплошные полосы, так мчались еще несколько долгих минут, как вдруг под колесами пронзительно вжикнуло. Через несколько секунд еще и еще, уже пронзительнее.

Юлия испуганно вскрикнула, Олег прокричал сквозь ветер:

– Это требование сбросить скорость!

– Там люди?

– Автоматы были еще в Древнем Египте...

– Чего от нас хотят?

– Предупреждение, чтоб не мчались сломя голову.

Встречный ветер стал не таким свирепым. Полоса света разбилась на мелькающие огни. Олег все сбрасывал скорость, наконец тележка подкатила к глухой стене. Юлия похолодела, но, присмотревшись, увидела, что это не камень, а покрытый каменной пылью металл.

Олег вылез, долго возился, шарил по стене в поисках пульта управления. Юлия сжалась в комок, испуганная и несчастная, вспоминала роскошные апартаменты.

– Какие мы, женщины, доверчивые, – вздохнула она ему в спину.

Он не обернулся, открыл железный кожух, возился с переключателями, буркнул через плечо:

– Что не так?

– Да тебе все так, – обвинила она горько. – Ты всего наелся от пуза! А я только краем глаза увидела «Националь»... Размечталась, дура: казино, рулетка, настоящее шампанское вместо дешевой шипучки... Ты играешь в покер... или во что там режутся шпионы?.. гребешь миллионы, а я в красивом платье стою за твоей спиной, на меня все смотрят, у меня бриллиантовое кольцо...

Олег огрызнулся, не оборачиваясь:

– Так что же тебе не так?

– На мне полтонны паутины, – взвизгнула она в его рыжий затылок, – вместо кольца! И пауки, огромные, как мыши!

– Пауки? – переспросил он. – Хорошо!

– Хорошо?

– К деньгам, – объявил он. – Значит, еще поиграем в казино «Рояль».

Слабо скрипнуло. В стене появилась щель, раздвинулась. По ту сторону тоже рельсы, только вели они совсем недалеко, затем снова упирались в стену. В новом отсеке пусто, как в гробнице Агамемнона после рейда энтузиаста-самоучки Шлимана.

Олег помахал рукой:

– Все! Дальше пешочком.

Юлия слезла неохотно, тележка стала уже родным, обжитым местом в этом пугающем подземном мире. Даже нагрелась под ее задом, почти очеловечилась.

Едва вошли в новое помещение, Олег повернул рычаг. Толстые бронированные створки сошлись. Чавкнуло, со стуком замкнулись невидимые запоры. Олег стоял молча, ждал. В помещении, куда можно бы загнать грузовой трейлер, абсолютно пусто. Откуда-то ударили тугие струи воздуха.

– Терпи, – предупредил Олег. – Уже скоро.

– А что сейчас?

– Нас чистят, – отмахнулся он. – Наверное, от радиоактивных осадков. Хорошо, хоть анализы не берут...

Из стерильно чистого шлюза их выпустили в огромный зал. Потолок терялся во мгле, Юлии даже почудилось, что они вышли на поверхность в душную осеннюю ночь. Но по сторонам холодно блестел металл. По спине прокатился недобрый холодок, чутье говорило, что эти листы металла толще, чем броня авианосца.

Двумя ровными рядами стояли машины. Военные грузовики, все под зелеными пятнистыми тентами.

Олег провел через этот ангар, который Юлия упорно называла залом, на противоположной стене виднелось с десяток дверей. Пальцы снова набрали код, мигнули огоньки, он потянул за ручку, дверь нехотя отъехала в сторону.

Юлия ожидала, что откроется новый туннель, но это была лишь комната, хотя просторная, очень просторная. Олег спокойно прошел к другой стене, ждал. Едва слышно жужжали скрытые механизмы. Юлия почувствовала, что дышать легче, а когда опустила глаза на одежду, смутно удивилась ее чистоте.

Дверь открылась, теперь там действительно был туннель. Черный зев пугающе уходил в темноту.

– А нельзя ли снова на дрезине? – спросила она.

– Здесь нет дрезин, – ответил он.

– А... на чем-нибудь?

– Только на поезде. Или тяжелом грузовике. Но стоит ли привлекать внимание?

Холодок пробежал по ее спине уже яснее. Горло стискивали невидимые пальцы, не скоро ей удалось выдать:

– А что... тут кто-то есть еще?

– Могут быть, – ответил он. Почувствовал ее напряжение, успокоил: – Так, мелочи... Какой-нибудь обходчик из секретных служб, что раз в год проверяет здесь аппаратуру, механизмы...

Следующим был зал силовых агрегатов. Так его назвал Олег, но Юлия чувствовала, что попала в чрево космического звездолета инопланетян. Из бетонного пола вырастали металлические трубы, внутри которых мог бы двигаться многоместный лифт, уходили высоко в темноту, а через каждые шесть труб располагался металлический батискаф, где каждая заклепка была размером с крышку канализационного люка. Воздух подрагивал, насыщенный исполинскими энергиями. Гранитный пол гасил дрожь, Юлия умом понимала, что это всего лишь крохотная воздушная полость в неимоверно толстом массиве гранита, но животный страх твер-

дил, что вот-вот это все рухнет, отвалится под непомерной тяжестью земной коры, что сверху, а внизу только расплавленная лава вулканов, жар уже плавит подошвы туфель...

Олег остановился так резко, что она ткнулась ему в спину. Не поворачиваясь, он прошептал:

– Тихо! Постоим посмотрим.

Глава 10

Сначала она видела впереди только тьму, потом почудились искорки. Олег наконец сдвинулся с места, но шел теперь очень осторожно, иногда останавливался, вслушивался, дважды даже велел присесть на корточки.

Теперь казалось, что в темноте на огромной елке горят бенгальские огни. Синеватые искры сыпались мелким серебристым дождиком. Юлия как можно тише продвигалась следом, разглядела наконец крохотные фигурки сварщиков, что как комары облепили огромные металлические балки, стропила, железные лесенки и мостики.

То ли слегка сместились пласты, то ли сами конструкции обветшали и начали ломаться под собственной тяжестью, но ремонт шел по всем конструкциям огромного ангара. Юлия видела со спины, что Олег хмурится, сердито посапывает.

– Что тебе опять не так? – прошептала она. – Ремонт – это хорошо.

– Эти балки в таком виде уже три года, – шепнул он в ответ. – Почему взялись только сейчас?

– Лучше поздно...

– Да? А ты знаешь, что по этим направляющим запускают? Если бы узнала, то предпочла бы, чтобы все рухнуло и всех передавило. А то и сама бы всех перебила голыми руками! Несмотря на их семьи и малых детушек.

Она вздрогнула, зябко повела плечами:

– Ни за что! Я никогда не смогла бы убить человека. Вообще убивать – нехорошо.

Он кивнул:

– Нехорошо. Особенно здоровых и биологически активных. Но если это единственный аргумент?

Она что-то возражала, он не слушал щебетание, его глаза оглядывали солдат, помещение. Маскировочные комбинезоны на всех странные: не привычные зеленые с пятнами, а серые, кое-где с бесцветными полосами, похожими на потеки грязи. Ясно, это должно сделать их практически неразличимыми на фоне... на фоне московских улиц с их грязными неопрятными домами, заплыванными лестницами, полутемными арками...

Вместо привычных сапог все в ботинках, к тому же даже они такого же неопрятного цвета, как и шлемы. Отсюда хорошо можно рассмотреть бронежилеты восьмого класса. Если учесть, что сами ребята – буйволы, каждый из них поборолся бы с Геркулесом, то в бронежилетах они выглядят вовсе пугающе, настоящие боевые машины, киборги, нечеловеки.

На специальных крючьях на груди и боках закреплены боеприпасы, Олег с уверенностью мог сказать, что у каждого по пять осколочных гранат и одной ослепляющей, а также по коробке с патронами.

Судя по всему, группы по четверо-пятеро должны на джипах обеспечивать порядок в городе. На каждом по крупнокалиберному пулемету на турели, «миниганы», броня из кевлара защищает все, кроме колес. Эти десантники нацелены быстро и жестоко подавить народные волнения и стихийно возникающие митинги на улицах и площадях, пока другие на бронетранспортерах будут захватывать Кремль и правительственные здания.

– Теперь на цыпочках, – велел он. – Мы должны прокрасться вдоль стены по туннелю... Там выход наверх.

– Хорошо, – ответила она дрожащим шепотом. – Выход – это всегда хорошо. А куда?

– Из канализационного люка, – ответил он, – прямо посреди Садового кольца.

Она зябко передернула плечами, представив, как приподнимает крышку люка прямо перед лавиной бешено мчащихся грузовиков.

– Хоть на разделительной полосе?

Он прижал палец к губам. По станции с металлическим лязгом раскатывал пугающего вида автоподъемник, желтый и полосатый, как оса, но толстый, как майский жук. Явно не цивилизный, слишком уж много железа, словно шофер, кроме своих рычагов, управляет и спаренными пулеметами, а то и ракетами «земля – воздух».

Юлия на цыпочках кралась следом, здесь тень, они же тихие и незаметные как мышки, как две серые безобидные мышки, на них не надо обращать внимания, это ниже своего достоинства – обращать внимание на мышей...

Внезапно вспыхнул свет. Нечеловеческий голос проревел из динамика:

– Тревога!.. В секторе – нарушители!.. Тревога!

Свет ударил с такой силой, что Юлию отбросило к стене. Белое пламя выжигало глаза, под веками вспыхнула острая резь, она закрылась руками. Рядом послышался яростный голос Олега, его ругань.

– Пригнись! – закричал он. – Пригнись!

Она пыталась сползти по стене, но его ладонь с такой силой вдавила ей голову в плечи, что уши расцарапало о ключицы. Сверху с треском разломилась стена, посыпалась цементная крошка. Его рука тащила ее где волоком, где Юлия вскакивала на ноги, рядом гулко и страшно стрелял пистолет: Олег нажимал на спуск, почти не целясь. Сзади кричали, автоматы грохотали часто, словно крупный дождь колотил по жестяной крыше.

Олег сдвинул тяжелую панель, Юлия шмыгнула вовнутрь нового отсека. Олег влетел вслед за ней кувырком, сверху простучали пули: сперва сухо, а затем – звонко, когда панель задвинулась и закрыла их металлическим боком.

– Сюда! – крикнул Олег торопливо. Он поднялся, лицо настолько бледное, что Юлии почудилось, будто он изрешечен пулями и уже истек кровью. – Нам только бы миновать этот сектор...

Отрезок туннеля был такой же полусферой, что всякий раз напоминало ей кооперативный парник для помидоров, только вместо сверкающей пленки был толстый металл. Идеально ровный бетонный пол обрывался такой же металлической стеной. Юлия ощутила, что спасение именно за той дверью, устремилась к ней, как частичка металла к мощному магниту.

Дверь распахнулась навстречу. Оттуда пятнистые фигуры появились с такой скоростью, словно просочились сквозь железную стену. За спиной Юлии прострочил, как ей показалось, автомат, хотя она знала, что Олег захватил с собой только пистолет.

Она рухнула ничком. Пули рвали ей волосы, а пятнистые коммандос падали, словно под ударами невидимого молота. А затем она ощутила, как Олег перемахнул через нее, послышался удар, хриплые вскрики, стоны, треск, лязг, она сразу ощутила волну жара от крепких мужских тел, сильный запах пота, сверху обрушилось тяжелое бревно, внутри которого громыхали и перекатывались кости и гранаты...

Кто-то больно наступил ей на руку. Она вскрикнула, неумело откатилась в сторону. Над ней и дальше все кипело, бурлило, все коммандос кого-то били, сверкали ножи, но из схватки время от времени выпадал кто-нибудь из этих крепких парней, растягивался поверх тех, кто упал, пораженный пулями из пистолета, а схватка кипела...

За четыре отсека от машинного отделения располагался зал оперативного управления. За большим монитором сидел, откинувшись на спинку дорогого кресла, дородный мужчина со знаками различия полковника. Сзади вскрикивал от возбуждения его помощник, майор воздушно-десантных войск, еще молодой, но уже отличившийся в ряде операций на других континентах.

Это они по сигналу тревоги успели бросить наперехват группу всегда готового к бою спецназа. Нарушителей успели перехватить почти посреди отсека. Но дальше случилось неве-

роютное: рыжеволосый нарушитель выстрелил из пистолета первым. Он выпустил шесть пуль с такой скоростью, словно строчил из пулемета, и шесть натренированных парней рухнули на бегу, пораженные кто в глаз, кто в лоб, что никак не закроешь ни бронедоспехами, ни даже простейшим бронежилетом.

Уцелевшие не успели открыть огонь, чтобы не стрелять в спины своим же, а нарушитель уже обрушился на них как лавина. Десантники дрались чуть ли не вслепую, ошалелые, совсем непохожие на тех крутых парней, что умело сражались в Афгане, Анголе, Камеруне или в Боснии. И падали, будто недозрелые подростки под ударами озверелого борца за веру Аллаха.

На экране было отчетливо видно, что, когда из десантников осталось только трое, да и то сбитые наземь как ураганом, этот нарушитель прыгнул, одолев с места сразу метра три, опустился всей массой на ближайшего, каблуками в грудь, там сразу треснуло, как молодой лед, грудная клетка провалилась, осколки ребер пробили сердце и печень, а он уже ударил с разворота в голову другого, череп лопнул, как спелый орех, третий вскочил на четвереньки и бросился к двери... Он умер от удара ногой в позвонок, что скреплял череп со спинным хребтом.

Майор вскрикнул с ревнивым восхищением:

– Что делает эта сволочь! Что делает! У меня там скоро людей не останется!

– Профессионал, – согласился полковник. – Класса «Красной бригады». Ни одного лишнего движения!.. Хотя, конечно, если посмотреть в замедлении, я все записал, увидим и нечеткие приемы... Я вон сейчас вижу, но все-таки наши олухи совсем уж как коровы на бойне... Такого еще не было. Позор нашим орденам.

Видно было, как нарушитель поманил рукой женщину. Та подхватила, перебежала к нему, боязливо перепрыгивая через трупы. Где на полу растеклась лужа крови, женщина огибала ее пугливо, стараясь не смотреть на темное пятно.

– Если это профессионалка, – заметил полковник с удивлением, – то совсем в другой области. Не понимаю...

– Зачем женщина?

– Да.

– Тогда и он не профессионал? – предположил майор.

– Или прошел школу где-нибудь в Никарагуа, – предположил полковник, – а то и в частном лагере наркобаронов, моджахедов и всяких там талибов. У них могут быть и недоучки...

– Хорош недоучка!

– Только касается этой обузы.

Он коснулся кончиком пальца одной из «горячих клавиш», произнес негромко:

– Седьмой... объект движется к вам.

Майор не слышал, что ответили, но, судя по неподвижному лицу полковника, ему отрапортовали стандартно: есть, шеф, встретим как положено. Впрочем, если бы этот седьмой сообщил в ответ, что высадились марсиане в батискафах, лицо полковника вряд ли изменилось бы.

Его руки быстро коснулись клавиш, на экране картинка машинного зала сменилась изображением огромного ангара. Фигурки в пятнистых комбинезонах быстро расхватывали короткоствольные автоматы. Видно было, как командир отделения быстрыми взмахами послал тройку в одну сторону, вторую тройку – в другую, а сам с двумя охранниками помчался по прямой к дверям.

– Как думаете, – спросил майор, – он сразу попадет им в руки или?..

– Сразу, – кивнул полковник. – Другого пути нет.

– Совсем?

– Есть, но совсем дурацкие. Можно пробраться через сектор «Б», однако еще надо найти в него вход, а он замаскирован. Можно попробовать проскочить вверх по натянутому тросу... Но ты можешь себе это представить?

Майор поежился:

– Таких людей нет.

На экранах было видно, как жертва с женщиной позади спешит, как полковник и предсказал, прямо в лапы охране. Те притаились за дверью, бедняг можно взять живыми. Мужчина бежал впереди. Полковник переключил на другую камеру, сменил ракурс, стало хорошо видно потное лицо, загнанные взгляды. Нарушитель дышал все чаще, с хрипами, спотыкался. Видно было, что бежит из последних сил. Оглянулся на свою спутницу, его нога подвернулась... он с хриплым криком обрушился всем немалым телом в стену. Там треснуло, прямо в стальной трубе пробежали белые трещинки, словно он ударился в молодой лед.

Полковник яростно выругался. Этот недотепа споткнулся как раз в том месте, где находилась замаскированная дверь в сектор «Б»!

Майор смотрел округлившимися глазами:

– Это что... что там?

– Дверь в сектор «Б», – процедил полковник. – Майор, вы теперь переводитесь в группу тридцать четвертую... раз уж теперь знаете о местонахождении этой двери.

Майор пробормотал:

– Спасибо... за доверие. Я уж ожидал скорее ликвидацию.

Полковник зло усмехнулся. Майор шутит, но на самом деле недалеко от истины. Он вправе принимать и такое решение, у сектора «Б» высшая степень секретности. Молча смотрели, как мужчина разбил раскрашенную под металл пластмассу, втокнул женщину, за ней в черном отверстии исчез сам.

Майор спросил осторожно:

– А нельзя ли туда послать ту группу?

– Можно, – ответил полковник странным голосом. – Но тогда придется ликвидировать их всех... У них нет допуска!.. А потом, возможно, ликвидируют и нас.

Он вскочил, его руки молниеносно набросили пояс с «магнумом», подхватил снайперскую винтовку. Майор молча взял автомат, смотрел вопросительно. Перевод в тридцать четвертую группу означает и скорое повышение по службе, выше жалованье, больше власти в сложной иерархии системы.

– Все, пошли!

– Мы его возьмем.

За десять минут, во время которых они преодолели три отсека и четыре лестницы, оба даже не запыхались, хотя знали, насколько уступают своим тренированным командос. У последней двери оба изготовились к стрельбе, майор влетел первым в кувырке, автомат готов к бою...

Отсек был пуст. Полковник метнулся к компьютеру, включил, все время повторяя злобно:

– Да скорее же!.. Да включайся же!..

Наконец экран пошел бледно-серыми тенями. Высветился соседний отсек, полковник быстро набирал команды, в то время как майор торопливо проверил все двери, поднялся по лесенке и осмотрел вентиляционную шахту.

По экрану побежали картинки. Полковник рычал в ярости и бил кулаком по столу. Все отсеки, куда мог помчаться нарушитель, оказались пустыми. Все отсеки, куда попасть было трудно, тоже пусты. Отсеки, куда попасть просто невозможно...

Он побелел, волосы встали дыбом. На самом крайнем почудилось движение. Мелькнули две фигурки, при увеличении он рассмотрел прежнего нарушителя. Тот держал за руку женщину, но другой рукой зажимал бок. Изображение удалось увеличить еще, на боку ни следа крови, так что ему явно в схватке сломали ребра...

– Как он туда попал? – проговорил он потрясенно. – Как?

Майор прыгнул с верхнего мостика, на его лице изумление было куда больше.

– Что за черт? – спросил он. – Я не знал, что за «Н-23» есть еще сектора!

– Есть, – сказал полковник с яростью. – Есть. В сектор «А», где он сейчас находится, не имеет права заходить ни один человек без высшей степени допуска. Туда даже наши генералы заходят в сопровождении и после проверки. Черт... Я не понимаю, как он туда прошел!..

– Он еле на ногах держится, – сказал майор почти сочувствующе. – Тащит себя на остатках воли. Да, нам бы такого!

Полковник отмахнулся:

– Такого уже не завербовать.

– Почему?

– Никто не смеет знать о существовании этого сектора.

– Что будем делать?

– Погоди. Надо понять... в какую он сторону... Так, понятно! Поднимаем по тревоге отряды быстрого реагирования по секторам «Ф-12» и «Ф-13»... Нет, еще и в «Ф-14». Чтоб уж наверняка.

Глава 11

Туннель тянулся мрачный и страшный. По мокрым стенам кое-где струилась вода, а под ногами хлюпали лужи. Олег на бегу шупал бетонную стену, но Юлии все чаще казалось, что его попросту шатает от изнеможения и он хватается за стену, чтобы не упасть. Дыхание его вырывалось с такими хрипами, что заглушало топот. Ее череп тоже раскалился, дыхание стало горячим, обжигало горло. Ноги налились горячей тяжестью, но, к своему удивлению, она чувствовала, что в состоянии обогнать своего героя.

Внезапно Олег остановился, его ладони лихорадочно шарили по бетону. Юлия привалилась спиной, ее грудь ходила ходуном, всякий раз эротично оттопыривала ткань. Заскрипело, целый блок сдвинулся с места. Исцарапанные пальцы ухватились за край, показалась длинная труба, в конце которой сиял неяркий свет.

Не дожидаясь приказа, все ясно, Юлия скользнула головой вперед, полезла на четвереньках, чувствуя под локтями и коленями мокрую липкую грязь. Сзади скрипнула плита, это Олег отгородился от погони, вскоре она услышала надсадное дыхание. С ним что-то неладное, не ранен, а слабеет как от потери крови...

Она на миг задержалась у выхода: под ногами узкий металлический мостик, а внизу... На миг закружилась голова от высоты. Мостик расположен под металлическим небом, а внизу – гигантский ангар, забитый выкрашенными в маскировочный цвет джипами, бронетранспортерами, открытыми ящиками, в которых она рассмотрела продолговатые трубы гранатометов и ручных ракет.

– Торопись! – крикнул Олег сзади.

Он толкнул ее в зад, она вывалилась на мостик, который, как ей показалось, сразу заходил ходуном. Олег выкатился следом, Юлия услышала надсадный хрип, мелькнуло его измученное лицо.

– Здесь нет спуска! – вскрикнула она.

– Вниз дорога есть всегда, – ответил он.

Стальной шест, на подобных пожарные соскальзывают из своих апартаментов прямо в гараж к машине, без зацепок и петель, только кольцо с двумя ручками. Она послушно ухватилась, перенесла ноги через низкий бортик. Ветер засвистел в ушах, но она не успела закрыть глаза от ужаса, как подошвы больно стукнулись о твердый пол.

Она успела увидеть, как Олег там, наверху, ухватился за шест голыми руками. Его понесло вниз еще быстрее, чем ее. Ей почудилось, что от ладоней пошел дымок, тут же его пальцы разжались. Тяжелое тело пролетело несколько метров и гулко ударилось о бетонный пол.

Ее сердце остановилось. Несколько мгновений смотрела отчаянными глазами, потом ее как гигантской рукой швырнуло к его телу. Олег зашевелился, поднялся, тряхнул головой. Правая рука зажимала бок, словно там была открытая рана, а лицо перекашивалось от страдания.

– Олег!.. – вскричала она. – Не поднимайся!.. У тебя что-нибудь да сломано!

– А ты уже вызвала «Скорую»? – поинтересовался он.

– Н-нет...

– Тогда надо идти. Сейчас здесь будет как муравьев.

– Но ты... сможешь идти?

Он удивился:

– Конечно. А что не так?.. Высота?.. Так это ж мягкий бетон.

– Мягкий? – не поняла она.

– Ну да. А что, у тебя может быть мягкое дерево, а бетон не может?.. Если бы тут бетон... твердых сортов, то убился бы точно. Или хотя бы ногу вывихнул.

Остекленевшими глазами она смотрела, как он метнулся к ближайшему грузовику, исчез в темноте. Юлия слышала только скрип дверцы. Когда добежала и взобралась на непомерно высокую подножку, Олег уже заводил мотор.

– А бензин? – спросила она шепотом.

– Все заправлено, – шепнул он. – Пыль не стряхнули, но бензобак полон... Эти машины готовы к броску хоть на Берлин, хоть на Пермь!

Мотор рыкнул, Юлию бросило плечом в жесткую дверцу. Она инстинктивно искала привязной ремень. Олег чертыхался: машину ему, видите ли, дали с непривычным управлением, затем грузовик подал задом, развернулся и съехал по широкому пандусу на серое основание туннеля. Холодно и недобро блестели утопленные в бетон рельсы. Но когда колеса пошли набирать обороты, Юлия не ощутила толчков, шины почти не замечали полос блестящего металла.

Слева по трубе туннеля мелькали тусклые огоньки. Машина неслась с диким ревом. И хотя Юлия понимала, что на открытом пространстве этот рев казался бы намного тише, но сейчас вжималась в сиденье, чувствуя себя крохотной и беспомощной в этом мире огромных тяжелых машин, чудовищных конструкций из железа и хромированной стали.

– Сейчас будет отсек! – прокричал Олег. Смертельно бледный, он вцепился в руль, глаза пронизывали впереди быстро расступающийся полумрак. – Там слева лесенка!.. Выскочишь – и сразу наверх, поняла?

– А ты?

– Я следом за тобой!

– Как скажешь...

– То и говорю! Что смущает? Бородавки? Зато ноги красивые...

Машина вылетела в залитый светом просторный бункер. Далеко впереди, почти в самом его конце, Юлия увидела лесенку, ведущую к потолку, но сердце замерло, затем оборвалось в бездну. С той стороны распахивались двери, выскакивали люди с автоматами на изготовку. Почему-то у всех головы черные, удлиненные, с длинными, как у слонов, хоботами.

Загораживая дорогу к лесенке, встала группа людей с автоматами, у одного на короткой привязи озлобленно лаял огромный черный поджарый пес.

– Не люблю доберманов, – процедил Олег.

Он резко крутанул руль направо. Юлия крепче ухватила за поручни. Бронированная машина ударила в разбегающихся людей, тряхнуло, подбросило. Юлия прикусила язык. Сквозь рев мотора слышала внизу хлопки и хруст, будто колеса прошли по вязанкам хвороста.

Машину занесло правой стороной на эстакаду, на огромной скорости швырнуло в воздух. Их на лету перевернуло, со страшной силой ударило, перевернуло еще, Юлия крепко держалась обеими руками. Вокруг мелькало, гремело, грохотало. Мотор был оглушительно, она видела бешено вращающиеся колеса.

Потом ее снова вжало в сиденье. Впереди появился огромный танк, он разбросал какие-то обломки и встал там как гора, перекрыв выход. Юлия поняла в удивлении, что машина, оказывается, перевернулась несколько раз и снова на всех четырех, а Олег все еще пытается прорваться к лесенке...

В последний момент он круто вывернул руль, машину занесло, Юлия сжалась в комок, послышался толчок, грузовик стукнулся о танк самым боком, колеса бешено выбросили кучу гравия, машину бросило как снаряд, но на двух колесах не удержалась, рухнула набок, так ее пронесло до самой стены.

Сквозь разбитое стекло Юлия увидела страшные лица с хоботами. Глаза у десантников стали нечеловечески огромными. Она почему-то подумала про выщипанные брови, но при

чем тут брови – понять не могла, мысли почему-то потекли вяло, застывая на ходу, словно попавшие в клей мухи.

Ее тело обмякло. Она видела остановившимися глазами, как Олег вывалился из машины, марсиане подхватили под руки, он сумел вывернуться и одного подмял. Когда его оторвали от жертвы, на полу распласталось неподвижное тело... Теперь лицо чужака стало снова человеческим, а сорванная маска с длинным гофрированным шлангом лежала рядом, утопая в лиловом дыму.

Сознание померкло, она почувствовала, что ее тело раскачали и швырнули в бездну.

Олегу закрутили за спиной руки, надели наручники. Он инстинктивно проверил – хорошая хромированная сталь, таких нет даже в лучших полицейских управлениях. Голова его склонилась на грудь, и если бы не двое могучих командос, он бы рухнул на пол как груда мокрого белья.

Полковник вскинул руку:

– Прекратить подачу газа! Проветрить помещение!..

Майор ухватил пленника за волосы, рывком задрал голову лицом вверх, со страхом и изумлением всматривался в человека, который прошел столько и сумел столько.

– Что за... Я думал, самые элитные части у нас!

Полковник кивнул:

– Конечно, у нас. Но одиночки могут появляться везде. На земле восемь миллиардов человек! А сейчас все страны постепенно отказываются от обычных войск, все деньги и силы элитным. Какой-нибудь чертов Камерун... а то и вовсе наркобарон может закупить тренировочный лагерь высшего класса, натаскать своих громил... Но хоть этот мужик и крепок, но сломлен, сломлен! На самом деле таких только в расход...

В его голосе было явное сожаление. Майор спросил почтительно:

– Почему?

– А ни на что не годен, – ответил полковник. – Я таких навиделся в Афгане. Как демоны убивали направо и налево, кишки выпускали, ребенка могли за ножку и головой о дерево... И ничего, аппетита не теряли! А потом на чем-то ломались. Кто в буддизм уходил, кто Богородицу по ночам видел. А этот, ты ж видел, сержантов убивал как мух, а вот собаку переехать – не смог. Профи на таком не попадают...

Юлия с трудом повела замороженными глазными яблоками в сторону понурившегося Олега. Выходит, если бы он направил машину на добермана, они бы сейчас вышибли ворота и вырвались на свободу!

– Шпашибо, – прошамкала она. Поморщилась, прикушенный язык щемит, нет сил, добавила через силу: – Я уш думала, ты не шеловек...

Полковник быстро взглянул на женщину:

– Уже очнулась? Что-то чересчур быстро. Знала бы ты, милашка, что тебя ждет, предполагала бы не приходить в сознание вовсе... Эй, Гарриман!.. Твоя солдатня соскучилась по женскому мясу? Возьми эту.

Один из десантников подбежал, сорвал респиратор, открыв толстогубое потное лицо, настолько черное, что сапожный крем рядом с ним показался бы белейшим снегом. Широкий, как у жабы, рот расплылся в скотской ухмылке.

– Слушаюсь!.. Будет исполнено!.. Осмелюсь спросить, что с этим мясом... потом?

Полковник рыкнул:

– Что и всегда. Когда натешитесь, убей. Мясом можешь накормить собак.

Олег бешено рванулся к полковнику. На плечах и спине висело чуть ли не десяток спецназовцев, но он проволока их всех, полковник отступал, затем сзади в шею кольнуло. Почти

сразу мышцы ослабели, а сознание снова заволокло туманом. Он глубоко вздохнул, попытался повернуться к Юлии, но тело не слушалось, а ноги подломились.

Юлию ухватили за плечи и быстро потащили к дальней двери. Ноги ее волочились, а голова болталась из стороны в сторону. Майор отнял респиратор от лица, быстро достал из сумки шприц, надел иглу и тут же ввел этому рыжеволосому пленнику жидкость еще и в вену. В последнюю неделю их снабдили шприцами, уже заправленными какой-то гадостью. Клялись, что развязывает язык любому...

Тут же, возле перевернутого грузовика, его долго и зверски избивали. Когда он упал, с наслаждением били ногами. Били свирепо, били сладострастно, вымещая подленький страх, что впервые встретили человека намного круче их самих. До этого времени привыкли добывать уцелевших после зверских бомбардировок, уже раненных и контуженных, красиво и мужественно шагать среди горящих руин, среди глубоких ям от авиационных бомб, изредка постреливая по сторонам, чтобы не терять навык стрельбы по живым мишеням, но впервые нашелся гад, который стрелял в них самих, который убивал, который сжег в огне и раздавил тяжелым грузовиком немало ветеранов, которые красиво и умело сотнями убивали манекенов в учебных боях.

Пленник захлебывался кровью. Слышно было, как трещат ребра. Когда бил Гарриман, здоровенный негр, а его ноги толще бревен, кровь из рта схваченного выплескивалась с такой силой, как будто ею выстреливали. Он хрипел, кровоподтеки закрыли глаза, разбитые в лепешки губы распухли, глубокие ссадины на лице сильно кровоточили.

Боль резко перекашивала тело, он пытался подогнуть колени, закрывал локтями бока, но его били и в спину, били в голову.

Олег чувствовал, что в голове начинает мутиться, он дважды терял сознание, а когда зрение чуть прочистилось, перед ним появились начищенные сапоги. Не ботинки, что носят десантники, а офицерские сапоги.

Сквозь грохот крови в ушах донесся холодный голос:

– Завязать ему глаза!

– Есть, – ответил молодцеватый голос.

Другой голос, явно человека постарше, сказал с иронией:

– Если ему еще не выбили... то все равно ничего не увидит.

– Урмилас, – сказал первый голос, – у тебя на все свое мнение. Повязка на глазах нужна по другой причине.

Олег чувствовал, как его грубо перевернули, сильные руки нещадно перетянули повязкой глаза, заодно и перекрыв кровоточащую рану над ухом. Повязку используют, вспомнил он полузабытое, ибо с завязанными глазами любой человек паникует, боится гораздо больше, чем если бы видел перед собой нацеленный в лоб пистолет.

Затягивая на затылке повязку, человек еще несколько раз ударил ногами, стараясь попасть по почкам. Олег опрокинулся на пол, задохнувшись от резкой боли. Его подняли пинками. Кровоподтеки под глазами вздулись как подушки, он видел перед собой только узкие щелочки света, словно смотрел из накрытого брезентом танка.

– Вставай, падаль! – прорычал десантник.

Хотя сознание было одурманено, вся комната плыла в сознании, а тело не слушалось, он как воочию увидел крепкого плечистого сержанта, быстрого и уверенного, краснорожего, грубого, как грубо и бесчеловечно все в армии.

Его подхватили за плечи, за волосы. Олег не видел, что его для забавы пихнули мимо двери. Он с разгону врезался в стену, из груди вырвался всхлип. Ноги подкосились, он сполз на пол. Снова попинали, но уже без азарта, затем подхватили, проволокли и с разбегу зашвырнули в распахнутые двери.

Он смутно чувствовал, что его бросили на холодный металлический пол. Отлежаться не пришлось, лязгнули металлические двери, снова голоса, раздраженные и требовательные. Его подняли, усадили на жесткое сиденье. В голове все еще туман, а перед глазами то вспыхивал свет, то все погружалось во тьму, а голоса истончались до комариного писка.

Потом он чувствовал, как руки и ноги приковывают железом. Снова укол в вену. По телу прокатилось жжение, а в голову словно ударили молотом. Он застонал, туман перед глазами начал рассеиваться. Проступило человеческое лицо, что вытягивалось, исчезало, собиралось из отдельных частичек. Сквозь повязку всегда смотреть просто, а эта даже не кожаная – простой платок, какими десантники повязывают головы.

- Еще, – раздался в ушах пронзительный голос. – Вкатите тройную дозу.
- Помрет, – возразил другой голос.
- Вряд ли, – ответил первый. – Этот парень из спецназа, а их учили выдерживать перегрузки. Зато быстрее придет в себя.
- Но его мозг тогда полностью в кашу...
- Как скоро?
- Через двое суток.
- Смеетесь? Мне не важно, что с ним будет сегодня вечером.

Глава 12

Снова укол, волна жидкого огня прокатилась по телу с такой мощью, что Олег закричал от дикой боли. Сердце билось как бешеное, вот-вот разломит грудную клетку. Он дышал часто, вздохнул, но зрение прояснилось, а звуки различал с такой ясностью, что каждый шорох бил по голове как молотом.

Повязка создавала небольшой фон, узор на платке, словно клочок тумана, висел в воздухе, но все же удалось понять, что он в темном помещении, стены металлические, пара массивных агрегатов под толстыми кожухами, вдали дверь, похожая на шлюз в подводной лодке, а перед ним стоит, расставив ноги, коренастый человек в маскировочном комбинезоне, хотя и без всяких знаков отличий.

С трудом удалось шевельнуть глазами. От простого движения глазных яблок дикая боль вспыхнула в черепе и прокатилась по всему телу. Так, он в металлическом кресле. Руки прикованы толстыми железными захватами. Ноги, судя по всему, тоже. Кресло наверняка сварено специально для этих целей, для дознания. Проще говоря, для пыток. И скобы на его запястьях не простое железо, а высокопрочная сталь. Голову, сволочи, тоже зафиксировали, чтобы не мог оглянуться.

Коренастый сказал требовательно:

– Чин?.. Звание?.. Должность?..

Олег молчал, смотрел тупо. В голове туман, казалось, разъедает саму ткань мозга, выжигает нервные клетки. А во всем теле тупая боль, что временами без всякого предупреждения прерывается острыми уколами.

– Не говоришь? Хорошо же... Джонсон, действуй.

Запахло чем-то резким, похоже на аммиак, но полумертвые чувства подсказали, что это похуже, намного хуже. В старину пытали, вырывая клещами куски тела, отрубая пальцы. Это действует на пугливых, они начинают выкладывать все тайны от ужаса, а не от боли, а на самом деле жертва быстро теряет сознание от потери крови. А саму боль переставала ощущать еще раньше, потому что с потерей крови резко снижается и чувствительность к боли... Но пришел новый век, накопился опыт. Поняли, что простым расплющиванием ногтей молотком можно добиться большего: боль невыносимая, крови почти нет, жертва сознания не теряет, вопит и с ужасом смотрит на занесенный молоток над следующим пальцем. Однако в разведках работают дипломированные специалисты по гипнозу, что научились ставить в мозгу разведчиков заборы на пути физической боли. Как всегда и везде, идет соревнование между мечом и щитом, пулей и каской, победа достается попеременно то снаряду, то броне, но сейчас Олег чувствовал, что нападение сломило защиту, разнесло ее в клочья, втоптало...

Он попытался напрячь руки, однако одурманенное сознание даже не поняло команду. Укол в вену, еще один укол...

Палач, имя которому Джонсон, с размаху ударил его по щеке:

– Не прикидывайся!

Олег попытался поймать его в фокус, но глазные яблоки двигались в разные стороны. Он чувствовал резь, жжение: слезные железы не работают.

– Молчит?

– Господин полковник, это крепкий орешек.

– Любые орешки раскалываются, понял?

– Сделаем, господин полковник.

– И поторопитесь.

– Разрешите током?

– Действуй. Все можно, мне нужен результат.

Не в силах сопротивляться, он чувствовал холодное прикосновение металла. Все тело под действием наркотика стало необычайно чувствительно, словно с него содрали кожу. Малейшее движение воздуха заставляло напрягаться все мышцы, а когда электроды приложили к телу, он хрипло закричал в ожидании боли. Он всегда боялся боли. Он избегал боли, потому и стал таким, как есть: осторожным, все предусматривающим и почти неуловимым. Но удача когда-то да кончается...

Дикий нечеловеческий удар пронзил тело изнутри, сжег мозг. Тело задержалось в конвульсиях. Он смутно чувствовал, как плавятся суставы, рвутся жилы, а всепожирающий огонь кипит в каждой клеточке. Звериный крик вырвался из горла. Он пытался запрокинуть голову, но стальные захваты крепко держали тело, не давая судороге сломать спинной хребет. Костный мозг вспыхнул, будто с размаху швырнули на горящие уголья...

Через несколько часов дикой боли ощутил сквозь грохот крови в ушах, что атмосфера в помещении изменилась. К жестокости и кровожадности добавилась струя авторитарности: появился кто-то из высших, если не самый высший. Олег пытался сосредоточить мысль, но мозг горел, корчился от боли.

Обломки сознания сталкивались, как льдины в весенний ледоход, крошились, ныряли в темную мутную воду, полную мусора, щепок. Временами полностью наступала тьма, он переставал даже слышать шум крови в ушах и чувствовать боль, затем снова боль, страх, отчаяние, злые и раздраженные голоса, а это означает новые удары, новую боль...

Лица двигались, расплывались, затем вычленилось одно: красивое, холеное, бесстрастное, с узко посаженными глазами. Чисто выбритые щеки отливают синевой, ноздри горбатого носа хищно подрагивают, но глаза, удивительно голубые, выдают северянина. Хорошо вылепленная голова крепко сидит на плечах, мундир десантника подогнан по фигуре мастерски, да и выглядит этот... неплохо, очень неплохо. Кадровый офицер, военная косточка, привык отдавать приказы, но готов ревностно выполнять и распоряжение вышестоящего, так верит в дисциплину, порядок, иерархию власти и иерархию ценностей.

Кропоткин, всплыло наконец в затуманенном сильнейшими ядами мозгу. Правая рука Яфета. Надежный исполнитель всех его замыслов, самое доверенное лицо. Именно ему Яфет поручает самые щекотливые операции, именно ему дал полномочия начинать осуществление проекта... какого проекта?... Ах да, «Башня-два»... самого грандиозного и величественного... которому еще не было аналогов... аналогов...

В сознании снова все поплыло, вместо Кропоткина возникло и держалось черное от гнева широкое лицо с изрыгающим огонь ротом. Вместо волос были черные извивающиеся змеи, а глаза источали белый огонь.

– Имя, – прорычало это существо. – Настоящее имя!.. И что было поручено. Кто поручил? Когда?

Волны яда накатывали на мозг, затапливая, пропитывая, разрушая, голос звучал как гром: страшно и обрекающе, голос бога, от которого никуда не укрыться.

«Не бог», – проплыла вялая мысль. Олег попытался за нее ухватиться, зацепился, за ней возникла другая мысль, нелепая, но почему-то показалась убедительной: «Мы с богом... А вот мы с богом... надо бога поддержать...»

Чернота сползла с гневного лица, языки пламени втянулись в рот. Перед ним стоял, покачиваясь на каблуках, красавец Кропоткин, генерал военно-воздушных сил России, а также мастер масонского ордена, таким его считали многие, восемнадцатая ступенька по иерархии Совета Семи, которые сами на девятнадцатой...

– Имя! – повторил Кропоткин грозно. – Ну?.. Говори!

«Не узнал, – проползла другая мысль. – Я для него всего лишь инструмент в чьих-то руках. Скорее всего, считает меня инструментом в руках самого упорного противника проекта „Башня-два“, Олега Вещего... Хотя членам Совета предписывается держаться втайне от всех, многие таятся даже друг от друга, это приветствуется, но иногда бывают утечки... Иногда досадные, иногда нелепые, но почти всегда неприятные и часто трагические».

Он попытался приподнять голову, не смог. Сильные пальцы ухватили за волосы, дернули. Олег сквозь повязку увидел ребристый потолок. В голосе Кропоткина прозвучало нетерпение:

– Может быть, снять эту тряпку?

– Процедура допроса...

– Да плевать на процедуру, – бросил Кропоткин зло. – Я не вижу его глаз, мне самому мешает!.. Я не знаю, слышит ли он вообще!

– Как скажете, господин генерал.

Грубые пальцы рванули повязку, Олег инстинктивно сощурился. Хотя из-за вспухшего от кровоподтеков лица смотрел в узкие прорезы, свет показался резким, бьющим прямо в мозг. Через мгновение светосила выровнялась, но Кропоткин, судя по его лицу, уже понял, что пленник способен реагировать на раздражители.

– Повторяю, – сказал он раздраженно. – Какое у тебя задание?.. Кому непосредственно подчиняешься?.. Каков статус в Организации?

Пальцы больно защемили волосы на затылке. Кожу натянуло, щели для глаз стали чуть шире. Кропоткин брезгливо морщился. Олег смотрел невидящими глазами, изображение двоилось, расплывалось, на него накладывались полосы, как в испорченном мониторе.

Молчание длилось, наконец Кропоткин сказал с ненавистью:

– Хорошо же... Хорошо... Если твоя психоблокада так непробиваема, то... может быть, поможет старое испытанное средство?

Сержант по его кивку достал из ящика плоскогубцы. По телу Олега прокатилась ледяная волна, а он уже был уверен, что его измученное тело ни на что не среагирует. Сержант захватил стальными челюстями кончик указательного пальца. Олег инстинктивно попытался хотя бы согнуть, прикованная к подлокотнику кисть не даст спрятаться, но палец оказался не способным даже шелохнуться. Холодные рифленые поверхности стиснули с одной стороны ноготь, с другой – омертвевшую подушечку.

Повернув голову к Кропоткину, сержант ждал сигнала, плоскогубцы держал обеими руками. Кропоткин ухватил Олега за волосы, вздернул голову вверх, всмотрелся в затуманенные болью глаза.

– А к этому ты тоже готов?

Олег пытался сказать ему, что он не готов, что боли не выносит, что надо договориться, но язык распух, не помещался во рту. Кропоткин, не дождавшись ответа, кивнул сержанту.

Нечеловеческая боль пронзила все тело. Хотя плоскогубцы сжали только кончик пальца, раздавливая ноготь, но раскаленные иглы воспламенили все нервы, боль прожгла до пяток, а в мозгу взорвалась атомная бомба.

– Хорошо, – сказал Кропоткин довольно. – Вижу, не равнодушен... Давай дальше.

Кончик второго пальца превратился в кровавую лепешку. Сквозь адскую боль и грохот крови в ушах Олег все же слышал легкий хруст, с которым плоскогубцы крушили фаланги пальцев.

Когда палач закончил с правой рукой, он оглянулся на Кропоткина, тот нахмурился и всматривался в лицо пленника с новым выражением на лице. Сержант взял молоток и попросту раздробил все ногти на левой, а затем присел, сопя, на корточки и деловито разбил все фаланги пальцев на обеих ногах.

Олег терял сознание, но уколы тут же возвращали его в камеру пыток. Кропоткин злое еще растягивал губы, в глазах ярость, а слова вылетали как пули:

– Я не знаю еще, что у вас там за подготовка, но я тебя сломаю, сволочь!..

«Я уже сломен, – пытался прохрипеть Олег, – я уже никто», – но другая часть сознания упорно блокировала его хрипы и даже не позволяла кивнуть, когда Кропоткин спрашивал, прекратить ли, будет ли говорить.

Наконец в красном тумане прозвучал раздраженный голос:

– Мне надо отлучиться. Вызови Крюона и Меддинга. Они спецы по психотропным, пусть поработают.

– А что мне?

– Поможешь им, дубина. И поучись.

– Будет сделано!

– Я скоро вернусь, – пообещал Кропоткин.

Фигуры покачивались, расплывались, затем одна начала уменьшаться, исчезла. В шею кольнуло. Он понял, что новый наркотик ввели прямо в вену. Сердце заколотилось неистово, в груди нарастала острая боль. Он чувствовал, что сердечная мышца работает за пределами своих возможностей, вот-вот разорвется, лопнет, сгорит от перегрузки, в то время как отравленная ядами и наркотиками кровь с шумом несется по расширенным до предела кровеносным сосудам...

Он ощутил, что кровь уже начинает проступать через кожу, кровавый пот... Кто-то из палачей тоже заметил, покряхтел, но ввел ему лошадиную дозу расслабляющего. Олег решил было, что его решили побереечь, но другой палач тут же вкатил чуть ли не ведро мощнейших стимуляторов.

Видеозапись, как понял Олег, явно не ведут, иначе больше сумели бы узнать, сравнивая его мимику с ответами, правильно расшифровывая паузы и произвольные движения лицевых мускулов. Но здесь армейская пыточная, грубая, свирепая... но, надо признать, эффективная. Ни один пленный не выдерживает такой допрос больше часа, а специально подготовленные в лучших тайных институтах агенты, как он знал, раскалываются к концу первых суток.

Когда измученные палачи оставили, а сами сели перекурить, явился Кропоткин, оглядел критически. Красивое холеное лицо дергалось, в серых глазах кипела ярость.

– Освободить, – велел он.

Сержанты с неохотой принялись снимать стальные скобы. Олег даже не ощутил, в самом ли деле кровь пошла в занемевшие члены. Сознание то покидало полностью, он чувствовал, как холодеет тело, а сердце перестает трепыхаться, то по уцелевшим нервам пробежал огонь, они раскалялись, как горящая проволока.

Олег остался сидеть, но сержант схватил за волосы, выдернул из кресла и с наслаждением швырнул через всю комнату. Олег ударился о стену, в мозгу вспыхнули искры. Затем щеку обожгло холодом. Он понял, что лежит на металлическом полу.

Сверху раздался злой голос Кропоткина:

– Не издохнет! Я чувствую людей. Не издохнет, а завтра начнем сначала.

«Что сначала? – пронеслось в мозгу Олега. – Ногти уже расплющены, суставы сломаны, ребра перебиты... Что еще? Нервы горят, печень отравлена, почки отбиты...»

За ним пришли не на следующий день, а буквально через минуту. Хотя, возможно, прошли сутки или месяц – он в горячечном бреде не чувствовал времени. Снова били сапогами, тушили о его щеки сигареты, подключали ток. Если бы тело не зафиксировали стальными захватами, он бы сломал в судорогах позвоночник или шею. Когда его, охрипшего от крика, освободили от зажимов, он сам сполз как медуза на пол, а сверху прозвучал ненавистный голос:

– Так, уже надломили... Еще чуть, узнаем все.

– Господин Кропоткин, – прозвенел в сознании комариный писк, голос раздавался словно изнутри головы, Олег с трудом заставлял себя помнить, кто он и что с ним происходит. – Господин Кропоткин, тогда лучше продолжить?

– Нет, – раздался голос Кропоткина. – Он уже ничего не ощущает. А за пару часов чувствительность восстановится.

– Или околет.

– Или околет, – согласился Кропоткин. – Что ж... По крайней мере, ребята отвели душу. Но я уверен, что завтра им еще позанимаемся. Он нам ответит, кто он и что знает. И может быть, выведет на след их самого главного – таинственного Олега!

Он был, как полагал, в глубоком беспамятстве, но даже так ощутил, что по всему помещению пронесся холодный ледяной ветер, принес ледяную крошку и та посыпала всех словно по голому телу. Если бы это происходило пару сотен лет назад, сейчас бы все крестились, бормотали на разных языках и хватались за обереги, амулеты, мощи и высушенные лягушачьи лапки. Похоже, имя этого человека чем-то могло нагнать страх. Но кто был тот человек?... О ком это Кропоткин?

Безжалостные руки грубо тормозили, переворачивали. Ему снова закрыли глаза повязкой, грубо и безжалостно, но он даже с плотно закрытыми глазами различал их всех по запаху. Его подняли, прижали к стене, растянули руки в стороны. Он чувствовал холодное прикосновение металла к правому запястью, затем к левому. Похоже, его приковали к трубе, что спускается с потолка и уходит в пол.

Вдобавок ему приковали даже ноги. Хотя его уже искалечили, но десантники не оставляли ему ни единого шанса.

Ни малейшего.

Глава 13

Шаги затихли. Щеку все так же обжигал холод металла. Все тело стонало, распадалось на части. Удары молотка вколачивали в череп острые гвозди. Самые острые и длинные – в виски. Но горячий туман в мозгу медленно рассеивается. Он чувствовал, что спинной мозг выплескивает в кровь миллионы свежих кровяных телец, те разжижают отраву, разносят и кислород по телу, а не только разрушающие частицы яда и наркотиков, даже начинают вымывать из тела чужое, капсулировать, выдавливать через кожу на поверхность, где неведомые силы очистят, уберут, сотрут... Сейчас даже с повязкой на глазах он различал каждую деталь в помещении, чувствовал ее форму, вес, плотность.

Страшась двинуть и бровью, он послал мысль по измученному, изломанному, искалеченному телу. Усталое сердце, что почти останавливалось, всхлипнуло и с усилием начало качать кровь. Антитела, фагоциты, остатки защитной системы – все спешно захватывало частички яда. Селезенка вздохнула и тоже начала выпускать в помощь спинному мозгу миллионы свежих частиц крови, незараженных, не пораженных ядовитым газом и вакцинами. Мозг заработал быстрее, а по всему телу поднялась температура, пошло знакомое жжение, он буквально чувствовал, как спешно идет ремонт, как восстанавливаются раздробленные суставы, нарастаются порванные сухожилия... Кровоподтеки и ссадины – потом, сперва окончательно выдавить через кожу остатки яда, соединить перебитые кости...

Сквозь повязку он быстро просканировал обострившимися чувствами помещение, увидел как наяву металлический колодец, в который его бросили, вверху на самом краю справа небольшой бугорок... металлический выступ...

Он задышал чаще, погнал кровь по всему телу, застонал, прислушался, застонал громче, отчаяннее. Для наблюдателей... а теперь не сомневался, что этот выступ – портативная телекамера, он лишь испуганная жертва, что теряет остатки мужества, но только сам Яфет, его главный противник, понял бы, что он вслушивается в эхо, по его отражению от стен уже чувствует объем, прикидывает расстояние...

– Сволочи, – прохрипел он. Прислушался, склонил голову направо, повторил: – Сволочи!

Понятно даже, как направлен стеклянный глаз. Если его сейчас мониторят, то десятки специалистов рассматривают холодно, прикидывают, как сломить так, чтобы не нарушить рассудка... по крайней мере до того, как расскажет все, что знает. Хотя нет, он забыл, здесь армейская пыточная... здесь без тонких психологических шуток...

Он заставил себя ощутить горечь, тоску. Представил себе, как глотает отвар полыни, затем вспомнил, как умирали на его руках старые верные друзья, во рту появилось жжение. Он терпел, пока не ощутил, что губы и десны начинает разъедать как кислотой, вскинул голову, замер на короткий миг.

Плевок пронесся как пуля. Звук донесся едва слышный, но это звук удара по стеклу, а не по металлу. Мышцы сразу вздулись, времени в обрез. Он застонал, боль нарастала, мышцы начало сводить судорогой. В левой руке боль стала резче, но звук лопнувшего железа донесся оттуда, что понятно – он левша. Освободившейся рукой он поспешно сорвал с глаз повязку, ухватился за цепь на левой.

Еще тридцать секунд понадобилось на то, чтобы освободить ноги. А за это время операторы уже наверняка обратили внимание, что объектив застлала какая-то пелена, появился грязный туман... На гражданском объекте прошло бы минут пять, прежде чем кто-то пойдет, чертыхаясь и едва волоча ноги, проверять, а здесь сюда уже бегут двое-трое тренированных парней с автоматами в руках!

Он разогнулся, левая рука метнулась за спину. Пальцы вонзились в то, что всем казалось плотью, рванули. Затрещало, в руке оказалась длинная полоса пластика, имитирующего

кожу. Пальцы ухватили приклеенную вдоль спинного хребта тонкую стальную струну в десяток метров. Вообще-то он привык использовать ее как тетиву для лука страшной убойной силы, жутковатого бесшумного оружия, но сейчас быстро сорвал с трубы остаток цепи, закрепил на стальной жиле.

Тело еще вздрагивало от избытка адреналина, иначе не порвал бы цепи, но груз пронесся над телекамерой безукоризненно. Пальцы вовремя дернули, звенья цепи со зловещим лязгом обмотались вокруг выступа.

Только бы выдержало, мелькнуло в голове. Что выдержит нить, не сомневался, проверено, но болты телекамеры на такой вес не рассчитаны...

Он перевалился через край, и почти в это же время из дальнего туннеля выметнулись трое крепких ребят. Их подкованные ботинки гремели, как гусеницы танков на марше, дула автоматов смотрели как черные дыры в пространстве, пятнистые фигуры приближались со скоростью выпущенных птурсов.

Трое, мелькнуло в голове. Два лейтенанта и сержант, что удивительно – в спецвойсках обычно служат только офицеры... Многовато, когда вот так стучит сердце, а всего раскачивает. Многовато...

Десантники подбежали к колодцу, один заглянул вниз, а двое со знаками различия лейтенантов красиво развернулись спина к спине, глаза подозрительно сканировали сумерки в углах огромного помещения.

– Там его нет! – ахнул первый.

– Ты что? – отозвался один из тех, что спина к спине. – Сдурел?.. Оттуда никто не выберется!

– Да посмотри сам!

Оба лейтенанта одновременно повернулись к колодцу. Они не видели, как за их спинами от стены бесшумно отделилась странная фигура, на которой медленно исчезал рисунок бетонной стены с пятнистой трубкой кабеля, быстро шагнула к ним...

Сильный толчок бросил обоих через голову первого. Тот попытался вскочить, получил страшный удар в лицо, вскрикнул и перевалился через край. Внизу слышались два шлепающих удара, а он обрушился на лейтенантов сверху. Последней мыслью десантника было яростное, что чужак не только перехитрил, но и завладел оружием.

Олег подхватил выпавший из руки спецназовца автомат, сорвал с его же плеча сумку с патронами. Все в одном движении, а когда тело ударилось о железный пол внизу, он был уже за два десятка шагов от пыточной.

Стены замелькали, словно он снова несясь на скоростной дрезине. Стук подошв по бетону стал таким частым, словно пошел крупный ливень.

Лагерь коммандос он ощутил задолго до того, как тот показался из темноты. Он сам не мог бы сказать, как именно ощутил, запахи ли дизельного масла, пота, одежды, тепло работающих и животное тепло множества здоровых тел, но перед глазами ясно встал огромный зал, где под стенами расположены огромные кожухи турбин чудовищной мощности, каждая могла бы снабжать Москву электричеством, трубы с охлаждающим раствором, бронированные чаны, которых во время его последнего посещения здесь не было, а внизу казармы для солдат...

Не сбавляя бег, различил и почти пересчитал человеческие фигурки. Упражняются в приемах рукопашного боя! Вверху на железных конструкциях оборудованы даже гнезда для снайперов. Дурацкая затея, кто же заберется так высоко... Ага, это понимают – из восьми гнезд заняты только два...

Он задержался на выходе из туннеля, здесь он еще во тьме, быстро просканировал взглядом все строения. Юлию должны держать вон в том домике. Хотя их шесть совершенно одинаковых, но если он не разучился понимать военных, а их мышление весьма и весьма... гм...

предсказуемо, то именно там она и сидит сейчас привязанная к стулу, на глазах темная повязка. Одета, это мужчина чувствует себя беспомощнее, если с него сдирают одежду, а женщину, да еще с такой фигурой, раздевание не пугает, еще как не пугает...

Фигурки на плацу остановились. Из строения, где должна быть Юлия, выбежал человек. Десантники сбежали к нему, как куры на водопой. Олег видел, как офицер показывает руками кому куда, слов не слышно, но три группы организованно побежали с плаца, две бросились к машинам, одна сразу же направилась в его сторону.

Юлия слышала выстрелы, крики, яростную брань. Затем был грохот, звон и лязг железа. В помещение ворвалась волна жаркого воздуха, бензина, горячих масел. Избитое голое тело отозвалось дрожью. Раздалось два выстрела, она ощутила, как рядом кто-то упал, а за спиной ее кресла звякнуло железо.

Сильные руки сорвали с губ наклейку.

Она охнула разбитым ртом. Лицо Олега было сплошным кровоподтеком. Оба глаза распухли, из узких щелочек сверкали одни зрачки. Но когда она увидела краешек глазного яблока, сердце ее сжалось: тот был залит кровью, казался деформированным. Губы расплющены, в клочьях изуродованного мяса, темная кровь застыла сухими струпьями. Под глазами все цвета радуги: от темно-багрового до фиолетового.

– Сволочи, – прошептал он. – Что они с тобой сделали...

– Олег... – прошептала она. – Ты все-таки...

– Обопрись на меня.

Она обнаружила, что ее руки уже свободны, а когда пошевелила ногами, с них упали разрезанные веревки. Олег протянул ей руку, она встала, пошатнулась. Он осторожно обнял ее за плечи, но она все равно охнула и закусил губу. Кожа пламенела в кровавых ссадинах, на спине висели лохмотья кожи, а кровавые полосы наложились одна на другую так, что образовали месиво.

– Можешь идти? – спросил он. – Хотя это не важно. Я унесу, больше не волнуйся.

Она пошарила взглядом. Сорванная с нее одежда грязной грудой лежала в углу этой комнаты. Она помнила, как на улице мужчины не могли оторвать от ее изумительной фигуры восторженных взглядов, а их женщины зеленели от злости, но сейчас избитое и опозоренное тело невольно горбит, отчего выпячивается живот и провисает грудь...

– Смогу, – ответила она. – Я все смогу, чтобы они все подошли!

– Подохнут, – пообещал он.

Под грудой одежды обнаружили ее туфельки. Она попыталась надеть, однако ступни распухли, не влезли. Два трупа, из-под которых выползают струйки крови, в огромных ботинках. Она далеко не дюймовочка, но все же в один такой ботинок влезут обе ее ноги...

– Выберемся навверх, – сказал он, – все будет. Любые туфли.

– А мы выберемся? – спросила она тихо.

– Мы из всего выберемся, – пообещал он.

– Олег!

Он улыбнулся разбитыми губами:

– Представь себе, они не знают, что я и есть тот самый, к которому они пытаются подбратся!

Она отпрянула, из ее глаз брызнули слезы.

– Ты должен убить меня!

Он удивился:

– За что?

– Я предала тебя... Они сделали мне один-единственный укол... и я рассказала им все-все! Я призналась им, какой ты крутой... я рассказала, как мы познакомились... Я им расска-

зала со всеми подробностями, что ты не ниже рангом, чем полковник... что-то заставляло меня болтать без остановки! Только они почему-то этим не заинтересовались!

– Ну, – протянул он успокаивающе, – сказанула... Если за предательство убивать, то пришлось бы уничтожить всех женщин на свете!.. Нет уж, приходится мириться, приспосабливаться.

Она всхлипнула громче:

– Что ты говоришь? Разве мы... предательницы?

– До единой, – ответил он убежденно. – До мозга костей. Это в крови. И в этих... фибрах. Это ваша суть. Нет, за такую мелочь... даже не мелочь, а за естественное свойство женской натуры разве можно убивать?.. Мужчин – надо, но женщин...

Наконец до нее дошло, что это у него такой тяжеловесный юмор, если этот человек вообще понимает, что это, она заревела громче, распласталась на его груди, как медуза на широком камне, обвисла, плечи вздрагивали, потом затряслись, как будто раскручивались лопасти вентилятора, а слезы побежали по каменным плитам, что у него служили грудью, промочили рубашку, скопились у пояса.

– Уходим, – повторил он настойчивее. – Здесь никого не осталось, но до соседнего сектора рукой подать. А я не хочу убивать этих парней, из каких бы стран они ни приехали.

Она взглянула непонимающе, больно сентиментален, а он подумал, что не станет же объяснять, что среди них наверняка есть его прямые правнуки или много раз праправнуки.

– Если можно убить, – прошептала она, – то надо убить...

– Ах да, – ответил он неуклюже, – да, ты права.

С другой стороны, даже самым что ни на есть прямым сыновьям и внукам не дозволено так обращаться со свободной женщиной. Она едва передвигает ноги! Похоже, ее насиловали все, кто был там в группе, могли повредить, сволочи. Могла вообще порвать связи. И даже били, лицо почти в таких же кровоподтеках, как и его.

Он сорвал с убитого офицера кобуру с пистолетом, который тот так и не успел достать, быстро прицепил ей на ремне сзади.

– Кобура скрытого ношения, – пояснил он. – Тебе идет.

– Ну спасибо...

Она в самом деле внезапно ощутила себя увереннее. Хотя никогда в жизни не держала в руках пистолета, даже игрушечного, но эта недобрая тяжесть почему-то добавила сил.

Глава 14

Ноги подкашивались, онемели, кровь пошла в лодыжки, Юлия заплакала тихо и жалобно, в голые подошвы кололо, словно всаживали горячие иглы. Олег приготовился подхватить ее на руки, но она с усилием отстранилась: не тот случай, сейчас это оскорбление, а не признак нежности и одновременно мужского хвастовства.

Огни в стенах быстро убегали за спину. Она обнаружила, что всю бежит с ним рядом, задыхается, голые ступни стучат по бетону. Затем Олег перешел на шаг, осторожно отыскал утопленный в стене широкий пульт управления, снял кожух, что-то замкнул, посыпались искры, но тут же с допотопной неторопливостью прямо в бетонной стене одна плита опустилась, открылся коридор, за ним чернела толстая бронированная дверь.

Шлюз, поняла она. И здесь их невидимые механизмы чистят на предмет радиации. А если сочтут чересчур грязными, то и не пустят...

Зажужжало, заскрипело, массивные створки медленно пошли в стороны. Открылся тускло освещенный бункер ангарного типа. Олег втащил Юлию за руку, двери тут же захлопнулись с чавкающим звуком, словно на стыках были покрыты мягкой резиной.

– По диагонали, – шепнул Олег. – Видишь лесенку наверх? В конце бункера...

Он умолк. На той стороне бункера раздвигались железные створки. Юлия видела, каким молниеносным движением Олег выхватил пистолет и выстрелил в распределительный щит. Там вспыхнуло, все огромное помещение мгновенно погрузилось в полную темноту. Послышался скрип двери, легкий стук, затем – топот подкованных ботинок. Юлия чувствовала по движению Олега, что он с огромной силой что-то метнул. В шуме и топоте подкованных сапог ей почудился короткий всхлип.

Пыль все сильнее щекотала ей нос. Не выдержав муки, она громко чихнула. Его глаза уже перешли на ночное зрение, он видел, как в темноте головы всех десантников мгновенно повернулись в их сторону, сказал насмешливо:

– Будь здоров, Коваленко!.. Что-то как коза чихаешь...

На встревоженных лицах кое-где появились улыбки. Один из десантников растерянно огляделся, вскрикнул возмущенно:

– Я при чем?.. Это не я!

Кто-то гоготнул:

– Это не он, майор. Он тут другое сделал... Дыхнуть нельзя. Нет ли противогаза?

Под гогот десантников Олег молча тащил ее вдоль стены, а потом подхватил на руки и понес. Она испуганно обхватила его за шею, прижалась, затихла.

Вдруг в помещении вспыхнул красноватый аварийный свет. Олег метнул один болт в матовый плафон, другой в лоб растерянного лейтенанта, что с выпученными глазами смотрел прямо в их сторону. В последний момент тот начал поворачивать голову, и болт, проломив тонкую височную кость, погрузился, как в мокрую глину, по самую шляпку.

Лейтенант даже не вскинул руки, в рефлекторном жесте хватаясь за ушибленное место, молча ткнулся в стену, сполз на пол такой кучей, словно у него все кости мгновенно превратились в желе.

Глаза через несколько мгновений полностью адаптировались, он видел в темноте так же четко, как и при свете, только не различал красок. Еще один десантник, на этот раз пораженный в лоб гайкой, завалился очень удобно, между двумя металлическими чанами. Не дожидаясь, пока о его выставленные ноги кто-то споткнется, Олег выбежал и, на ходу подхватив автомат, быстро сорвал сумку с запасными рожками.

– Быстрее! – крикнул он на русском с сильным латышским акцентом. – Он побежал к выходу на нижний этаж!

Десантники, что двигались едва ли не на ощупь, разом развернулись и побежали в одном направлении, что значит помещение знают как свои пять пальцев, обжились, помнят все ходы и выходы. А еще это значит, что подготовка к операции началась давно...

Когда они были у входа, раздался взволнованный голос:

– Кто отдает приказы?..

Олег усмехнулся: не всякая аппаратура в состоянии различить их голоса, побежал вместе со всеми, так же громко топая, а когда оказался возле стены, быстро вернулся к Юлии. Она стояла бледная, таращилась в темноту. В красивых глазах было отчаяние.

Он опустил ладонь на ее губы, шепнул в ухо:

– Это я, не трись.

Она в испуге дернулась, тут же один из офицеров вдруг повернулся в их сторону и начал прислушиваться. Глаза расширились, Олег поспешно выхватил из кармана болт. Офицер начал открывать рот для крика, болт с сокрушительной силой снес кончики зубов, исчез в темном провале рта. Офицер завалился на спину. Похоже, он умер мгновенно.

Десантник, которого офицер задел при падении, сперва отскочил, но, чуя неладное, наклонился, его ладони быстро прошли по лицу убитого.

– Он среди нас! – завопил он. – Майор Симерс убит!

Олег подхватил Юлию на руки, побежал в сторону лесенки уже почти не скрываясь: крутые парни хватали друг друга, требовали паролей, кто-то кого-то душил. Возле лестницы опустил Юлию на пол, шепнул:

– Полезешь первой?

– Ты что, – прошептала она ему в ухо, – видишь в темноте?

– Конечно, – удивился он. – А ты разве нет?

– Нет...

– Урод, – буркнул он с сочувствием. – Ничего, я никому не скажу.

– Иди первым, – отрезала она. – Не выношу, когда смотрят под подол.

Лесенка задрожала под его тяжелым, но тренированно-шпионским телом. Юлия карабкалась следом изо всех сил, ноги дрожали, руки дрожали, все тело сотрясала судорога. Она изо всех сил старалась не показывать, насколько она обессилена и унижена, ведь шпионы должны быть железными, они – машины для убийства, потому они в лучших отелях и с лучшим шампанским в бокалах, их жизни коротки... а она теперь в их шпионистой команде, но все равно приступы отчаяния сотрясали ее так, что пальцы разжимались на прутьях лестницы. В жизни эти шпионские будни гораздо страшнее, грязнее, отвратительнее, чем в самом грязном боевике.

– Дурак, – прошипела она. – Я сейчас упаду...

Прутья лестницы нащупывала вслепую, тьма вокруг, она до кругов в глазах всматривалась в эту чернильную темень, в голове стучат молоточки, уже почти видит какие-то выступающие из тьмы силуэты, потом оказывалось, что они либо расплываются, либо остаются перед глазами, в какую бы сторону ни повернула голову. Она в самом деле чувствовала себя уродом, слепой курицей, которая уступает всего лишь мужчине, этой male-pig, хоть и тренированному в лучших лагерях мира на лучших компьютерных тренажерах.

Ее дернуло за руку вверх. Ноги на миг зависли над пропастью, тут же ударились о его сильное тело, в страхе прижалась к этому грубому бесчувственному кабану. Здесь горел красный аварийный свет, комнатка небольшая, стол, единственное кресло, широкий темный ящик.

Олег, прижимая ее одной рукой к груди, дотянулся до выключателя. Яркий свет залил помещение. Она вздрогнула и крепче прижалась к его груди.

– Ты молодец, – шепнул он в ухо. – Смелая и отважная! Я уж не говорю, что еще и красивая.

– Да? – проскрипела она сиплым голосом, почти теряя сознание. – А мог бы и сказать!

Он метнулся к пульту, бросил через плечо:

– Ну вот говорю ж...

– Под пытками не считается.

Пальцы торопливо помчались по клавиатуре, давая команду открыть вентили цистерн. Огоньки даже не мигнули, но он знал, что в этот момент по всей длине туннеля их сектора на землю плещет чистейший бензин. Двумя переключениями тумблера создал в трубе, что шла по параллельному туннелю, резкий перепад давления. Труба, которая не осматривалась уже лет десять, не выдержала удара, на изгибе вывалилось целое звено. Бензин хлынул на рельсы, потек широким потоком к цистернам с соляной и дизельным топливом.

Один из экранов показывал смену подачи дизельного топлива по всей ветке, где сосредоточились десантники и мобильная колесная техника. Красные огоньки замигали от этого сектора, дальше через каждую секунду – красный огонек, красный огонек...

Зашипело, грохнуло, в дальнем конце бункера раздвинулась стена. С ревом ворвался зеленый с желтыми пятнами военный грузовик. Юлию швырнуло как взрывом за металлический щит стола, она даже не сообразила, что это Олег забросил ее так грубо, а сейчас в его руках уже не ее плечи, а автомат, оттуда, снизу, с грохотом и огненным следом вырвалась ракета, лишь потом автомат застрочил нервно и часто...

Грузовик подбросило взрывом. Полыхнуло красным огнем, из кабины вывалился кричащий человек. Через борта прыгали фигуры в зеленых комбинезонах, тут же падали, некоторые откатывались в сторону и открывали стрельбу, другие так и остались...

Пули часто и страшно стучали по железу, с визгом рикошетили, с потолка сыпалась бетонная крошка. Олег стрелял короткими скупыми очередями. Выглядывая из-за укрытия, Юлия видела, как дважды его волосы всколыхнулись, один раз даже вроде бы показалась полоска крови над ухом, но, когда Олег повернулся в следующий раз, крови не было, и она с облегчением поняла, что ей померещилось.

Стрельба становилась все реже, наконец затихла. Олег отшвырнул автомат, метнулся к пульту и продолжил переключать тумблеры. Юлия вскрикнула, когда двое из убитых, как она думала, вскочили и в три огромных прыжка догнали Олега. В их руках блеснули страшные зазубренные ножи.

Он отпрыгнул от пульта, но эти в пятнистых костюмах размахивали ножами с такой скоростью, что прижали его к стене. Черные тени металась по огромной серой стене из бетона, прыгали в темноту под потолок. Один из десантников пропустил молниеносный выпад Олега, опрокинулся с неестественно вывернутой шеей. В этот момент военный грузовик на полном ходу разметал горящие обломки, с жутким ревом понесся на Олега. Юлия увидела за стеклом залитое красным перекошенное лицо водителя. Это был тот офицер, который выпал раньше из машины.

Второй десантник бросился на Олега, Юлия видела, как между лопаток пятнистого комбинезона высунулось окровавленное лезвие, и в этот момент тяжелый грузовик со страшной силой налетел на них. Юлия видела, как Олег скинул с себя обвисшее тело, но сам увернуться не успел: широкий бампер ударил его в грудь, впечатал в бетонную стену. Страшно грохнуло, капот и кабину смяло, а водитель вылетел через разбитое стекло и с силой ударился в стену.

Юлия застыла в ужасе, не в силах даже закричать. Громадный тяжелый грузовик смяло, как консервную банку. Из разбитого бака широкой струйкой лился прозрачный бензин. Под колесами истекали кровью раздавленные тела десантников.

Грузовик натужно заскрипел, задвигался. Его мучительно отодвинуло от стены, Олег стоял, вмятый в стену. Его шатало, обеими руками держался за грудь, растирал. Рубашку забрызгало кровью. Лицо было бледное, глаза страдальческие.

Юлия в страхе закричала. Олег поморщился:

– Что, не нравится? Ну неуклюжий я! Неуклюжий. Мрак бы увернулся, а я...

Из нее выплеснулся вскрик:

– Но как... как?..

Он сделал вялое движение рукой:

– Экономика в дауне... Грузовики клепают уже чуть ли не из жести...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.